Партизаны Столетней войны

Автор:
Владислав Колмаков

Партизаны Столетней войны

Владислав Викторович Колмаков

Военная боевая фантастика

Наши люди попадают в средневековую Францию. Начало пятнадцатого века. Там в разгаре Столетняя война. Им надо как-то выжить и не пропасть в кровавой круговерти. Что смогут сделать люди, повоевавшие на современных войнах, с миром средневековья? Они не обычные обыватели, студенты или диванные стратеги. Эти молодые ребята уже успели понюхать пороху в многочисленных военных конфликтах двадцать первого века. Они профессионалы. Что им делать, попав в пекло Столетней войны, где неподготовленный человек просто погибнет?

Владислав Викторович Колмаков

Партизаны Столетней войны

© Владислав Колмаков, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

В которой все начинается

Над полем ристалища поплыл резкий и чистый звук сигнального горна. Два рыцаря в блестящих латах пришпорили своих коней и понеслись навстречу друг другу, наклоняя копья для таранного удара. Вот всадники на полном скаку сблизились. Удар! Треск ломающихся копий! И один из рыцарей вылетает из седла своего боевого скакуна прямо на песок ристалища. У-у-у! Я невольно ему посочувствовал. Я прекрасно помнил, как точно так же летал. Если бы не крепкие доспехи, то меня бы после такого собирали по кусочкам. А так только плечо вывихнул и несколько ссадин заимел. Неприятное воспоминание. Люди на трибунах, увидев такое зрелище, радостно взревели. Толпа ждала зрелища, и она его получила.

– А красивый полет нам тут продемонстрировал этот англичанин? – воскликнул человек, сидевший рядом со мною.

Я покосился на него и ухмыльнулся. Позвольте представить! Мой самый лучший друг Мишка. Он же Михаил Медведев. Он же Гризли. Да, вот такой у моего закадычного другана грозный позывной.

Он у него такой еще с чеченской войны. Говоря, что Мишка мой самый лучший друг, я немного кривлю душой. Он является единственным человеком, которого я могу назвать своим другом. А все остальные для меня просто приятели, знакомые и товарищи. И им свою жизнь я никогда не доверю. А вот Мишке доверю. Мы столько раз спасали друг друга, что я со счета сбился. Да что там друг? Он мне давно уже стал братом. Это единственный близкий мне человек в этом жестоком мире. И вот мы, два насквозь русских человека сейчас сидим среди иностранцев на трибуне этого турнира исторической реконструкции в северной Франции. И смотрим, как современные люди, одетые в средневековые доспехи, изображают рыцарей. И зрелище это мне нравится. Оно здесь гораздо динамичней и правдоподобнее, чем тот вялый беспредел, что мы наблюдали на «Битве наций». Вот то пафосное мероприятие мне совсем не понравилось. Не турнир исторической реконструкции, а слет борцов сумо в латах. Там я никакого красивого и исторического файтинга не увидел.

Тупое и вялое перепихивание с элементами дворовой борьбы. А здесь бойцы показывали неплохой класс. Работали в полный контакт. Сражались технично и зрелищно. Молодец французик! Вон как красиво ссадил с коня того

англичанина. Прямо как в кино. Так, стоп, стоп! А теперь все по порядку. Хотите знать, как мы здесь оказались и что тут происходит? Сейчас расскажу подробнее.

Итак, зовут меня Андрей Викторович Каменев. Родился и вырос я в небольшом сибирском городке. Родителей своих я не помню. Они погибли в автокатастрофе, когда мне было пять лет. Других родственников у меня не нашлось. И я загремел в детский дом. И познал все прелести жизни детдомовца. Издевательства и побои со стороны местных шпанюков. Дети бывают такими жестокими уродами. К счастью, я быстро понял, что никто там меня не защитит, кроме меня самого. А для этого надо быть сильнее. Поэтому я стал с энтузиазмом заниматься спортом. Ничего такого особенного я не делал. Наш детский дом не мог похвастать нормальным спортивным залом. Не было там новомодных и навороченных тренажеров, которыми пускают пыль в глаза многочисленные фитнес-центры. Были лишь старый спортинвентарь и физрук. Этот бывший кандидат в мастера спорта любил выпить. На своей жизни и карьере в большом спорте он давно поставил крест. И прозябал по-тихому в нашем детском доме. Но моя тяга к спорту ему понравилась. И он взял надо мной шефство. Эх! Если бы не алкоголь, то из дяди Федора получился бы неплохой тренер для команды олимпийских призеров. Но зеленый змий есть штука дюже страшная и деструктивная.

Однако в те моменты, когда наш физрук был относительно трезв, он занимался со мной. Направлял, учил правильно развивать свое тело. И он же мне, лопоухому желторотику, популярно объяснил, что для нормальных занятий спортом вовсе не нужны дорогущие и сложные тренажеры. Для этого вполне подходил даже старенький спортинвентарь нашего детдомовского спортзала. А спортивные тренажеры и снаряды можно сделать и из подручных материалов, если особо припрет. Люди вон в прошлом как-то развивали свои тела без высокотехнологичных гаджетов и электронных беговых дорожек. В общем, я окунулся в мир спорта. Поначалу было тяжко. Все тело ломило и стонало после тренировок с дядей Федором. Мышцы не слушались, связки протестовали. Но со временем я втянулся, и мне даже понравилось. Понравилось ощущать, как тело наливается силой.

Кстати, драться меня дядя Федор тоже учил. Он же в молодости служил в воздушно-десантных войсках. А там на совесть учат выводить из строя противника голыми руками и ногами. И эту науку бывший десантник и бывший спортсмен не забыл. Хотя бывших десантников не бывает. В общем, эти уроки

физрука пошли мне впрок. Уже к тринадцати годам я стал превосходить своих сверстников по всем физическим параметрам. И при этом никто мне меньше пятнадцати лет дать не мог. Вымахал я здоровенным и высоким. Дрался я тоже к тому времени очень даже неплохо. Дядя Федор всякий там бред мастеров карате и прочих единоборств из многочисленных платных секций, что их ученики не должны применять в обычной жизни свои боевые навыки, мне не втюхивал. (Ага, типа тебя бьют, а ты терпи. А все свои приемы можешь использовать только на соревнованиях на татами.) Он меня учил бить первым, исподтишка. И чтоб наверняка уложить противника одним ударом на больничную койку. Так, как учили когда-то его самого. Никаких тебе поз какающего страуса и блюющего дикобраза. Которые так любят показывать разные каратисты в фильмах и на соревнованиях.

Несколько сломанных конечностей, ребер и носов – и местная шпана стала меня уважать. В их дела я особо не вмешивался. Никого не спасал и не защищал от этих мелких шакалов. Нет, не быть мне нормальным героем, который бы гордо и смело вступил в безнадежную борьбу со сложившейся в детском доме системой. Той самой, когда взрослые закрывают глаза на беспредел, творимый детьми, а воровская романтика вовсю цветет и пахнет среди малолеток. И администрации детского дома на это было наплевать. Как и всем представителям власти и правоохранительных органов. Все знали, что творится в стенах нашего детдома, и ничего не делали. А я что, крайний? Я просто выживал в этой клоаке. В одиночку. Соблюдая с детдомовской шпаной вооруженный нейтралитет. Я не замечал их делишек, а они не трогали меня. И малолетние бандосы ко мне не лезли. Я показал свои новые способности на практике (нескольких особо борзых энтузиастов отправил в больничку полежать), и они предпочитали не трогать такую агрессивную и опасную добычу. Психология шакалов такова: они не станут связываться без особого повода с сильными, если вокруг полно трусливых слабаков, которых можно безнаказанно тиранить и напрягать. И никаких особых поводов я этим моральным уродам не давал. Мы в упор не видели друг дружку. И именно такого расклада я и добивался, когда решил заняться спортом. Ради этого я работал и рвал жилы на тренировках.

Мои спортивные достижения заметили и взрослые. И вскоре я стал ездить на различные соревнования и детские олимпиады. Власти любят такую показуху устраивать. И требуют от администраций школ и детских домов выставлять своих спортсменов из числа их воспитанников. Вот и меня тоже заметили и стали привлекать для подобных мероприятий. Взяли на заметку, в общем. А я был и не против. С начальством надо дружить. И тебе воздастся.

Мои поездки по различным соревнованиям от имени нашего детского дома позволили мне закончить школьный курс без троек. Признаюсь честно, не все эти оценки в моем табеле были корректными. Учителя меня сильно не тиранили и часто завышали мой балл по той же математике, физике или химии. Ну, нельзя назвать меня реальным отличником.

Все эти теоретические знания были не очень интересны. Я больше предпочитал работать руками, а не напрягать мозг. Я практик, а не теоретик. Мне больше нравится что-то мастерить своими руками, а не читать про это в книгах. Вот на кой мне эта математика нужна? До сих пор не понимаю. Всякие там интегралы, функции и число Пи. Они мне в дальнейшей жизни ни разу не пригодились. Вот и спрашивается, зачем детям забивают мозг таким бесполезным барахлом? Думаю, что основ счета вроде сложения, умножения и деления современному человеку хватает выше крыши. А всю остальную математическую науку оставьте упоротым ботанам и прочим специалистам умственного труда. Тем, кому по профессии математика необходима.

Но я точно знал, что этот путь не для меня. Интеллектуальный труд – это не моя стихия. Я более привычен к физическим нагрузкам, а не умственным. Люблю руками работать, а не воздухом торговать. С физикой и химией такая же ситуация. На фига мне знать формулы всех химических веществ? А научиться смешивать разные ингредиенты можно довольно легко и быстро без этого. Да и не светило мне стать великим физиком или химиком. И тогда какой смысл в углубленном изучении этих наук в школе? Ведь обычным людям вполне хватает знания основ. Но нет, бедных детишек пичкают чрезмерными знаниями, которые многим из них в дальнейшей жизни и не пригодятся. Типа, так положено. И точка!

А потом меня ждала армия. Косить или скрываться я от нее не собирался. Да и не хотел этого делать. Наивный юноша наслушался рассказов дяди Федора о его службе в воздушно-десантных войсках. Физрук с теплотой вспоминал те годы. И о войне в Афганистане он мне тоже много занимательного поведал. Нет, не путайте ее с вторжением США в Афганистан. Задолго до этого такая страна, как СССР, посылала в ту горную местность и своих солдат тоже. Тоже воевали там с мировым терроризмом вроде бы. И в числе тех советских солдат был и мой тренер. Тогда еще молоденький младший сержант ВДВ. Вот на его рассказах о храбрых десантниках, гонявших по горам моджахедов, я и вырос. В общем, я хотел послужить Родине. И чтобы обязательно в десанте. Сейчас у нас, конечно, не СССР, а Россия, но десант остался. И я хотел стать десантником. Носить

красивую форму с голубым беретом, прыгать с парашютом и наводить ужас на врагов. Мальчишка, блин! Что с него возьмешь. Кстати, в военкомате мою мечту о воздушно-десантных войсках чуть было не обломали. У чиновников в погонах была заявка от флота. И они хотели меня засунуть на Северный флот. Белых медведей охранять. Но меня такая перспектива не вдохновила. Хорошо хоть в стройбат не хотели запихать. И на том спасибо. Но я стоял на своем. Десант и точка! Я мечтал служить только там. Спор был жарким, но я их дожал. Может быть, тут сыграло свою роль то, что я был неплохим спортсменом (армейцы таких кадров любят). И отзывы из детского дома в этом плане были самыми положительными. Но скорее всего, их испугало мое заявление, что ни в какой другой род войск я не пойду. А если направят туда против моей воли, то сбегу на хрен оттуда. В шутку или нет, но меня даже хотели припугнуть. Типа, десантников сразу же отправляют на службу в Чечню. А я взял и согласился. Чечня так Чечня! Лишь бы служить в воздушно-десантных войсках.

Вот так я там и оказался. А в то время в тех горах шла война. И русские солдатики гибли там каждый день. В города России привозили цинковые гробы. И я с ходу попал в эту кровавую мясорубку. Меня определили в разведку. Как я и мечтал. Долгие разведывательные рейды, многочисленные бои, которые уносили жизни моих боевых товарищей. Скудное снабжение. В этой армии, куда я попал, в достатке были только патроны. А вот всего остального постоянно не хватало. Нормальной еды, мыла, зубной пасты, лекарств, одежды, обуви и прочих мелочей, которых мы не замечаем в гражданской жизни. Грязь, вши, болезни, недосыпание и стрессы. Не такой я себе представлял свою службу. Хотя были там и свои плюсы. И самый большой из них – это бой. Когда пули свистят над твоей головой, выстрелы, взрывы, крики, адреналин. Вот такие моменты в солдатской службе мне нравились. Это была моя стихия. В бою я чувствовал себя как рыба в воде. Вместо страха был боевой азарт и кайф. Это было мое. В такие моменты я чувствовал себя настоящим. Живым! Вроде бы таких людей называют адреналиновыми наркоманами? Плевать! Мне это нравилось. Весь этот драйв и ощущение опасности.

А еще я встретил друга. Его звали Михаил Медведев. Но все звали его Мишкой или Гризли. Да, такой позывной ему наш ротный дал. Назвал Мишку в честь американского медведя гризли. Мало того что фамилия у него была медвежья, так и внешностью Мишка был похож на медведя, вставшего на дыбы. Коренастый, широкий и мускулистый. Таких еще обзывают «шкаф с антресолями». Я со своей фигурой атлета на его фоне смотрелся бледно. А я и сам парнишка не маленький. Довольно накачанный и высокий, гармонично развитый молодой человек. А вот Гризли у нас не такой. Он более массивный и

широкий. Но не толстяк. Нет, не толстяк. Просто у Мишки такая конституция от природы. Коренастый, квадратный, с широкой костью. И при этом ни капли жира, сплошные мускулы. Типичный качок из подворотни. Плюс морда гопника-отморозка с массивным подбородком и переломанным носом. Для врагов этот парень выглядел устрашающе. Но я узнал его совершенно с другой стороны. Мишка был нормальным пацаном. Добрым, отзывчивым и правильным. Слова «подлость и предательство» – это не про него. Мы с ним как-то сразу сошлись. И прикрывали друг другу спину в бою. Все трудности и радости делили пополам.

А перед самым дембелем его ранило. Тяжело. Наша группа попала в засаду. «Чехи» нас подловили. И Гризли схлопотал в том бою осколки в бедро и левый бок. Наскок боевиков мы тогда еле смогли отбить. А из всей группы уцелели только я и Мишка. Все же остальные наши боевые товарищи полегли в том бою. Меня тоже зацепило. Но не так серьезно, как Мишку. Пуля чиркнула по правой руке, прошла по касательной. В общем, фигня, а не ранение. Повезло. А вот моего дружка покоцало серьезно так. Затем я тащил Гризли на себе по лесистым горам Чечни. Километров десять. Не меньше. Мишка же у нас товарищ не мелкий, а очень даже наоборот. В нем тогда уже килограммов девяносто пять или сто было. Плюс оружие, боезапас и прочее снаряжение. Тяжко было. Но я пер вперед, как трактор по тундре. И бросить его я не мог. Десант своих не бросает. Да и не мог я его оставить. Друзей бросать нельзя. В детском доме у меня их не было, я как-то ни с кем там близко не сошелся. А тут у меня появился настоящий друг. И терять его я не хотел. У меня тогда такой настрой был серьезный. Если бы нам на пути попался очередной отряд «чехов», то я бы Мишку не оставил. Сам остался бы с ним до конца. Принял бы свой последний бой. Я знал, что так будет правильно. По-мужски.

Но все закончилось тогда хорошо. Противника мы не встретили и смогли выйти к своим. Потом был госпиталь и досрочная демобилизация из рядов вооруженных сил. Выплатили нам с Гризли мизерные компенсации за ранения и половину боевых. Другую половину наших денег украли чиновники в погонах, распилив их между собой. В те времена это было в пределах нормы. И мы даже радовались, что все не забрали. Мы с Мишкой давно перестали смотреть на мир через розовые очки. Все в новой России делали деньги. И возглавляли этот процесс люди при власти. А военные чиновники тоже не сильно отставали в этом плане от своих гражданских коллег. Поэтому скандал устраивать мы не стали. Пускай подавятся эти ушлые офицерики из финчасти нашими кровавыми деньгами. Мы оба были рады, что вырвались из той кровавой и бездушной системы под названием российская армия. Все долги Родине мы отдали с лихвой и были свободны как ветер.

Хотя я до сих пор по прошествии многих лет не могу понять эту тему про долг Родине. Почему его должны отдавать одни, а другие граждане освобождаются от этой почетной обязанности? Почему-то в армии я не видел сынков нынешних политиков, банкиров, чиновников и олигархов. Тех самых, что так пафосно и гордо обзывают себя элитой новой России и относятся к простым гражданам, как к быдлу. А ведь при том же кровавом тиране Сталине дети властьимущих служили в армии и погибали при этом за свою Родину. Это было их почетной обязанностью. А эти вот не хотят совать своих избалованных детишек под чеченские пули. И при этом упорно настаивают, что другие должны отдавать этот самый пресловутый долг Родине. С какого перепуга? Закон должен быть для всех равным. А иначе на хрен он такой нужен!

Гражданская жизнь встретила нас неласково. Опаленные войной молодые пацаны там никому не были нужны. Из профессиональных навыков у нас было только умение убивать. Не самое востребованное в мирной жизни. Ни высшего, ни средне-профессионального образования у нас с Мишкой не было. Идти в милицию или в бандиты я категорически не горел желанием. Что те, что другие мне откровенно не нравились. А другой нормальной работы в Москве мы найти не могли. Да, да! В Москве. Именно там я осел после демобилизации из рядов вооруженных сил. Тут Гризли постарался. Сам-то он коренной москвич. И меня уговорил там пожить в его комнате в коммунальной квартире. Три месяца мы приходили в себя, привыкали к гражданской жизни. Деньги, полученные от армии, заканчивались с удручающей быстротой. И перспективы впереди маячили не самые радужные, когда Мишка нашел одну интересную тему.

Французский Иностранный легион. Есть в мире такая организация. Формально – это войсковое соединение, входящее в состав сухопутных войск Франции и комплектуемое преимущественно из иностранцев. Но по факту – это обычная армия наемников на службе у государства. Сейчас легионеры используются в различных горячих точках по всему миру. Там, где Франция не решается рисковать своими военнослужащими, впахивают иностранцы из Иностранного легиона. Их ведь не жалко. Легионеры постоянно гибнут в многочисленных мелких войнах, о которых не сообщают в прессе и не пишут в интернете. Современное общество о них и не знает. А значит, обыватели не пугаются и не возмущаются гибелью своих солдат. Такая хитрая система удобна для Франции. Но и легионеры тоже получают свою морковку.

Во-первых – им платят неплохие деньги за риск. Во-вторых – после трех-пяти лет службы в Иностранном легионе иностранец может получить французское

гражданство.

И вот Мишка как-то смог познакомиться с человеком, который и вербовал наемников во Французский Иностранный легион. Мы посовещались и решили, что эта тема нам подходит. Работа, к которой мы привыкли в горах Чечни. Неплохой заработок. И как вишенка на торте – французское гражданство. Я был не против попробовать. Иностранный легион так Иностранный легион. А риск? Так я к нему давно привык и попасть на войну не боялся. И признаюсь честно, я тосковал про войне. Не нравилась мне такая вот мирная жизнь. Где нет никаких внятных перспектив. Я готов был рисковать головой за хорошую плату, а не прозябать в гражданской нищете. Да и мир хотелось посмотреть. Тот человек из легиона это нам гарантировал. Мол, все мы там увидим Африку, Ближний Восток и Южную Америку. Массу экзотических приключений этот вербовщик нам обещал. И мы повелись на его посулы.

Так и началась наша служба во Французском Иностранном легионе. Назвать ее сложной и трудной я не могу. После того, через что мы прошли с Мишкой в десанте, служить в Легионе было не очень напряжно. Физические нагрузки? Не смешите мои тапочки! Для российского десантника они были не очень трудными и жесткими. В ВДВ Российской Федерации бойцов тренируют куда жестче и круче. В общем, все те издевательства инструкторов Иностранного легиона над новичками меня не сильно впечатлили. Курс молодого бойца мы прошли легко и быстро. И затем вместе с Гризли попали во второй иностранный парашютно-десантный полк. Специфика была знакомой. Десант, он и есть десант. Что во Франции, что в России. Элита вооруженных сил любой страны. А потом началась экзотика. Африка, Ближний Восток, Афганистан и Французская Гвиана. Повидали мы мир. Не обманул тот вербовщик.

Вот только он забыл упомянуть, что нас будут посылать не в курортные места, а в захолустные и дикие дыры. Которых в этих экзотических краях хватало с лихвой. И службу легионеров там нельзя назвать легкой и тихой. Стрельбы тут хватает. Мы гоняли различных повстанцев, партизан, террористов и прочих борцов за что-то там. Мы убивали людей с различным цветом кожи. Чаще всего темных оттенков. И мне было все равно, кто они такие и за что борются. Это они были на войне, а мы на работе. К службе в Иностранном легионе я относился как к работе. Грязной, опасной, но интересной и прибыльной. В России я бы такие деньги нигде не заработал. И мне такая жизнь нравилась. Риск, конечно, большой. Но и платят за него очень даже неплохо. Это вам не Чечня, где мы убивали людей практически даром. Не патриотично? Возможно. Но какого-то

пиетета перед своей бывшей Родиной я не испытывал. Ничего позитивного я там не видел с самого детства. И особой любви к ней не питал. Да и не россиянин я теперь уже, чисто официально. На исходе третьего года службы в легионе я был ранен в бою. Наскок очередных негрильских повстанцев в Судане мы тогда отбили. Но и я обзавелся лишним отверстием от автоматной пули в правом плече. И теперь таки получил вожделенное французское гражданство. «По праву пролитой крови». Так гласила формулировка. Да, да! В случае ранения легионер имел право на досрочное получение гражданства Франции. Хорошо, что моя рана оказалась не серьезной. И я смог дослужить весь пятилетний контракт до конца. Мишке-то гражданство пока не дали. И расставаться с ним я не хотел. Гражданином Франции Гризли стал только после пяти лет службы в Иностранном легионе.

Когда наш контракт закончился, мы не стали его продлять. Нам с Мишкой предложили другую работу. Есть такое понятие, как Частная военная компания, или ЧВК. Только не надо путать ее с Иностранным легионом. Это другое. Частники работают на тех, кто больше заплатит. И не всегда это бывает государство. Юридически те же легионеры не являются наемниками. А вот служащие ЧВК – это они и есть. Настоящие «дикие гуси». И платят им больше, чем легионерам. Вот нам ротный по окончании нашего контракта и предложил поработать в одной французской ЧВК. Уйти на вольные хлеба, так сказать. В принципе, предложение было очень заманчивым. Французское гражданство мы уже заработали. В ЧВК платили больше, чем в Иностранном легионе. Да и условия службы там были более комфортными. В этом плане наемники имеют большое преимущество перед легионерами. Раздумывали мы не долго. Любой бы на нашем месте согласился. Возвращаться в гражданскую жизнь я не хотел. Что я там буду делать? Дворником или грузчиком работать? Я умею только хорошо убивать.

Я человек военный и другой жизни для себя не мыслю. Кроме того, наемникам платят неплохие деньги. Ну а риск? Про него я уже говорил ранее. Мне рисковать своей жизнью за большие деньги нравится.

Следующие три года были чем-то похожи на службу в Иностранном легионе. Только все было более комфортным. Свободного времени тоже стало больше. Наемники – это не легионеры или солдаты регулярной армии. Им не надо постоянно находиться на службе. Сама служба в ЧВК длится от трех до шести месяцев в году. Это когда мы ездим в боевые командировки в разные части планеты. Отработали, получили деньги и гуляйте до очередной командировки. В

общем, по сравнению с армией или Иностранным легионом полная лафа. Да и гибнут наемники не так уж и часто. Нас вот начальство ЧВК берегло. Не совало без разбора во все горящие дыры. Опытные и квалифицированные бойцы – это штучный товар, и разбрасываться ими глупо. К сожалению, военные чиновники или политики этого не понимают. Вот и гибнут потом солдатики, выполняя тупые и самоубийственные приказы толстопузых генералов. А что? Бабы еще нарожают. Это в армии. Но у частников все иначе. На службу в ЧВК случайных людей не берут. Тут боевой опыт нужен и соответствующие навыки. Наемникам платят много, но и умеют они в боевом плане тоже немало. Кроме того, если им что-то не понравится, то они могут уйти от работодателя, который с ними плохо обращается. В той же Европе этих ЧВК хватает. И рынок наемничества живет тоже по законам капитализма. Там хозяевам ЧВК надо тоже привлекать и удерживать при себе квалифицированные кадры. Платить им неплохие деньги и создавать комфортные условия труда. А то ведь к конкурентам все нормальные бойцы уйдут. И останется такой вот жадный капиталист с одним только отмороженным «мясом», которое не умеет как следует выполнять боевые задачи. А значит, упадет репутация ЧВК и прибыли. А репутация в нашем деле стоит многого. Потерять ее легко, а нарабатывается она десятилетиями.

В общем, мне моя новая жизнь нравилась. Денег мы с Мишкой зарабатывали много. Сейчас я не нищеброд какой-то, а владелец симпатичного коттеджа на окраине Парижа и кругленького счета в банке. Гризли тоже у нас стал домовладельцем. И воплотил в жизнь свою детскую мечту. Приобрел автомобиль фирмы BMW последней модели. Он давно о таком мечтал. Я тоже приобрел колеса. Только не четыре, а два. Мне больше мотоциклы нравятся. Люблю, понимаешь, распугивать обывателей ревом своего новенького чоппера. Но война войной, а свободного времени у нас теперь стало много. И надо было его куда-то девать. Постоянно бухать и крутить амур с женским полом это не для меня. Конечно, мы с Гризли тоже иногда расслабляемся таким вот способом. Бухаем, но в пределах нормы. И женщины для секса у нас тоже есть. Но хочется чего-то для души. В общем, без хобби жить скучно на гражданке. И мы такие хобби себе нашли. Сначала Мишка увлекся охотой с луком. В последние годы эта тема стала очень популярна среди европейских охотников. Это когда евроохотнички используют не огнестрельное оружие, а лук во время охоты на крупную дичь. Кабанов или оленей стреляют. Такая вот охота считается более спортивной и экологичной. Здесь на этой экологии все помешались. Вот и охотников такое поветрие не обошло стороной. В общем, Гризли тоже подсел на это дело и меня заразил. И мы с ним в свободное время регулярно мотаемся в Венгрию или Румынию. Там охота на крупную дичь развита очень хорошо. Венгры и румыны за денежку малую позволяют убивать своих диких животных всем желающим.

Только плати. Там даже в заповедниках охотиться можно. И природа там имеется очень даже дикая. Не то что в Западной Европе, где зверушек осталось не так уж и много. В основном всякая мелочь в горах прячется, а крупняк весь давно повыбили.

И благодаря такой охоте у нас появилось второе хобби. Во время загонной охоты на кабана в Румынии мы познакомились с любителями исторической реконструкции. Ну, это те, кто любит надевать на себя доспехи и другие исторические костюмчики и изображать бои. Кто на мечах рубится, кто из фитильных ружей бабахает. А особо продвинутые устраивают настоящие рыцарские турниры с массовыми сражениями и конными поединками. И все это зрелищно и антуражно. Вот с представителями последнего типа реконструкторов мы на той охоте и познакомились. Слово за слово, стакан за стаканом – и вот мы уже лучшие товарищи. Ребята оказались тоже из Франции. Наше знакомство мы с ними продолжили и по возвращении в Париж. И вскоре влились в их дружный коллектив. Этот клуб исторической реконструкции назывался «Орифлама». И рулил там Жан Готье. Нормальный парень. Мы с ним быстро общий язык нашли. И стали ходить на тренировки реконструкторов. Сначала учились фехтовать в пешем строю, а затем перешли к конным боям. Стали ездить на турниры и различные фестивали реконструкторов. Завели много знакомых в этой среде и быстро стали своими среди этого молодежного движения. А что? Мне понравилось. Весело и прикольно. Люди в этой тусовке были довольно приятными. Может быть потому, что в историческую реконструкцию серые посредственности и обыватели не идут? Она привлекает людей с воображением, с искрой. Тех, которым скучно жить в унылой действительности современного общества. Мы ведь с Гризли тоже такие вот зверьки, не похожие на обычных людей. Нас жизнь офисного планктона не привлекает. Подобное тянется к подобному. И думаю, что рано или поздно, но мы бы с реконструкторами законтачили. Интересно же!

И тут мы подходим к завершению моего рассказа о том, как мы с Мишкой здесь оказались. В начале мая нас пригласили на турнир в северной Франции. Нет, не в качестве участников, а как гостей. Чисто съездить посмотреть, как современные рыцари будут биться друг с другом. А мы тут как раз недавно вернулись из командировки в Ливию. Вот и захотели развеяться. Сели с Гризли в его навороченный «бумер» и покатили на север в Нормандию. Вот сейчас сидим на трибуне и смотрим на шоу, которое уже заканчивается. Эта пара всадников выступала последней, сегодня боев уже не будет. Завтра полуфинал, а затем и финал.

– Слушай, Рык, а может, рванем поглядеть на языческий храм? – произнес Мишка, лениво поглядывая на то, как медики турнира пытаются оказать помощь упавшему с коня англичанину.

– Какой еще храм? – не понял я.

– Да есть тут неподалеку храм доримской эпохи, – оживился Гризли. – Недавно французы его выкопали. Говорят, там человеческие жертвоприношения совершали. Нашли в том месте кучу костей. Может, сгоняем по-быстрому?

– Ну, если только по-быстрому, – пробормотал я, наблюдая, как с англичанина пытаются снять помятый шлем. – Сколько там до него километров будет? До ночи успеем вернуться?

– Успеем, успеем! – вскинулся Мишка, замахав руками. – Тут всего-то километров шестьдесят. Я по карте в телефоне посмотрел.

– Шестьдесят, говоришь? – сказал я, призадумавшись, с сомнением глядя на опускающееся к горизонту солнце. – Можем, не успеть дотемна.

– Да ты чо, прорвемся, Рык! – тряхнул головой Гризли. – У моего «бумера» знаешь какие фары матерые. Доедем куда надо даже в темноте. Я дорогу знаю.

– Ладно, Сусанин! – решаюсь я. – Уговорил. Едем в этот твой храм. Глянем на него одним глазком и назад!

– Вот это по-нашему! – обрадовался Мишка, вскакивая со скамьи.

* * *

Через два часа я уже не был уверен в правильности своего решения. Мы давно проехали даже больше шести десятков километров, а загадочный храм так и не нашли. Мишка оправдывался тем, что в его новенькой машине внезапно начал барахлить навигатор, и тем, что здесь была чертова куча проселочных дорог. Вот и колесили мы по ним в поисках нашей цели. В том, что мы находимся в нужном районе, мой друг был уверен на сто процентов. Но найти этот свежевыкопанный храм мы до сих пор не могли.

– Ничего не понимаю! – бормотал Гризли, пытаясь раскочегарить отрубившийся навигатор. – Он точно здесь где-то поблизости находится.

– Может быть, вон за тем заборчиком посмотрим? – перебил его я, указав на показавшуюся вдалеке ограду.

– Странно! – сказал Мишка, посмотрев, куда я указываю. – Судя по карте, тут ничего такого быть не должно, кроме заброшенной фермы. А это место явно не выглядит заброшенным.

Тут мой друг был прав. Данная территория была чем угодно, но не заброшенной фермой. Высокий, под четыре метра забор из проволочной сетки со спиралями колючей проволоки по верху. Вдали виднеются какие-то довольно новые коттеджи и целое поле высоченных, блестящих антенн. И самое главное – настоящий блокпост на въезде. Мы такие фортификационные сооружения видели во многих горячих точках. Большие бетонные блоки, мешки с песком, амбразуры, в которых виднеются стволы крупнокалиберных пулеметов. И бронеавтомобиль М-АТВ американского производства. Такие бронемашины довольно часто мелькают в видеорепортажах про Ирак и Афганистан.

Да и везде, где есть американские войска, присутствуют эти автомобили. Они пришли на замену знаменитым, но давно устаревшим «Хаммерам».

Кстати, такие вот М-АТВ были на вооружении не только у армии США. Их поставляли в больших количествах и многим союзникам этой звездно-полосатой демократии. У многих ЧВК такие машины тоже пользовались спросом. У нашей конторы они также были. Поэтому с данной бронетехникой мы с Мишкой были знакомы не понаслышке. Людей на этом блокпосте тоже было трудно с кем-либо перепутать. Полный боевой обвес, автоматическое оружие, повадки бывалых вояк. Сразу видно, что это наши коллеги. Такие же бойцы частной военной компании, как и мы. Только мы сейчас в отпуске на расслабоне, а они на службе. И появление нашего «бумера» их заметно так возбудило. Люди на блокпосте заняли свои позиции по боевому расписанию, стволы крупнокалиберных пулеметов развернулись в нашу сторону. Пулеметная башенка бронеавтомобиля тоже довернула, внося нас в сектор своего обстрела. Серьезные ребята. Интересно, что они там охраняют так бдительно? Тут, посреди мирной Франции. А меры предосторожности у них, как в Ираке или Афганистане. Мишка тоже понял, что этих товарищей лучше не нервировать лишний раз. И остановил

машину, не доезжая метров за пятьдесят. Потом высунулся из окна и максимально дружелюбно помахал в сторону затихшего в ожидании блокпоста. Я тоже помахал, показывая, что у меня в руках нет оружия. После недолгой заминки от блокпоста к нам направился один боец. Американская штурмовая винтовка М-4 у него висит на груди «по-патрульному». Вроде бы он нам и не угрожает. Оружие на нас не направляет. Но я-то знаю, как можно при этом очень быстро привести в боевое положение автомат, висящий вот так. Доля секунды, и нас прошьет град свинца. Мы с Мишкой и сами так можем. Поэтому не делаем резких движений и руки держим на виду. Зачем пугать человека, он же сейчас на работе. И мы для него потенциально опасные кадры, которых какой-то лихой черт принес к охраняемой территории. Я и сам бывал не раз вот в таких же ситуациях на месте этого бойца. Понимаю. Внимательно оглядев нас, этот товарищ немного успокоился. В принципе, мы на мусульманских террористов мало похожи. Гризли и я оба светловолосые с типично европейскими мордами лица. Сейчас-то террористы все больше чернявенькие и смуглокожие, а то и вообще негры. И в современной Франции они превратились в настоящую проблему. Наемник еще раз внимательно осмотрел нас, нашу машину, а потом на плохом французском поинтересовался, какого дьявола мы здесь забыли. Мы честно признались, что заблудились и никак не можем найти тот самый языческий храм, о котором недавно писала вся французская пресса. Типа, интересно было бы на него глянуть хоть одним глазком.

– Вот дерьмо! Как же меня задолбали эти любители археологических древностей! – пробормотал боец, тяжело вздохнув и выслушав нас.

Причем произнес он это не на французском, а на английском языке с явным американским акцентом. Английский язык я неплохо знаю и уверенно могу отличить англичанина от гражданина США. Нам-то с американцами много приходилось общаться по долгу службы в Иностранном легионе. Типа, союзники и все дела. Перехожу на английский и интересуюсь, откуда он родом, из какого штата. Оказалось из Техаса. С нами в легионе тоже парочка техасцев служила. Спрашиваю, не знает ли он их. Хренасе! Оказывается, знает обоих. Во как! Мир-то теснее, чем мы думаем. На мой вопрос о его нелюбви к археологии Джек (так его зовут) высказался довольно экспрессивно. Весь смысл его горячего монолога сводился к тому, что до недавнего времени в этих местах было гораздо спокойней. Не служба, а малина со сливками. А после того, как французские археологи откопали тот древний храм, сюда стало шастать много непонятного и тревожного народа. А это очень сильно нервирует охрану объекта. О самом объекте Джек нам, понятное дело, не рассказывал. Да мы и не спрашиваем. Понимаем, служба. И нам это и не интересно. Нам бы храм найти до темноты. А

то солнце вон уже к горизонту прижалось. И что мы там в потемках увидим в этом долбаном храме? К нашему счастью, Джек дорогу к нему знал и быстро нас сориентировал, куда надо ехать. И мы поехали. Попрощались с Джеком, пожелали ему спокойной службы и отбыли в указанном направлении.

Ехали мы не долго. Не обманул Джек. Храм действительно оказался рядом. По пути успели немного порассуждать, что это там такое ценное и секретное охраняет американская ЧВК. Между прочим, тут не США. Это территория Франции. Хотя у амеров хватает таких секретных объектов по всему миру. В конце концов, мы сошлись на мысли, что американцы там охраняют какой-то свой научный центр или биолабораторию, где проводятся эксперименты с людьми. Самая демократичная в мире страна любила так вот развлекаться. Экспериментировать над гражданами других государств. Впрочем, нам обоим на это было наплевать. Мы теперь и сами в Оси Зла состоим и несем демократию на кончиках стволов своих автоматов.

Наконец, мы приехали. Вот он тот самый древний храм, на который мы хотели посмотреть. Хотя сейчас я уже ничего не хочу. Я устал и хочу жрать. Но Мишка горит энтузиазмом. Интересно ему, понимаешь, посмотреть на место массового жертвоприношения. Поэтому и мне приходится страдать за компанию. Вылезаю из нашего авто, и меня тут же начинают кусать комары. Чертыхаясь, недовольно кошусь на Гризли. А моему другану все пофиг. Он резвым кабанчиком ломится к воротам хилой ограды, окружающей раскопки храма. И тут нас ждет большой облом. Закрыто. Табличка на воротах утверждает, что время работы данного исторического и культурного объекта до девятнадцати часов. А сейчас уже семь тридцать шесть. Весь персонал уже ушел домой. Французы в этом плане педантичнее немцев. Они и лишней минуты на рабочем месте сидеть не будут. Билетная касса тоже закрыта. Типа, приходите завтра.

Разочарованно переглядываемся, а затем смотрим на забор. И понимающе хмыкаем. Не такая уж великая преграда перед нами. Для тренированных бойцов ЧВК – такой двухметровый заборчик не может стать серьезным препятствием. Ха! Да на нем нет даже колючей проволоки по верхнему краю, тут любой перелезет. А мы точно это сделаем. Не зря же мы столько сюда тащились?

В надвигающихся сумерках перелезаем на ту сторону и оглядываемся по сторонам. Ну и где тут обещанный храм? Что-то как-то не впечатляет. Какие-то камни в глубоком прямоугольном котловане. Камни разбросаны довольно хаотично. Хотя в центре котлована просматривается что-то, напоминающее

каменный круг метра четыре в диаметре. И это все? А где кости? Где груда человеческих скелетов, которые тут обнаружили археологи? Ни хрена нет. Пусто! Бросаю ироничный взгляд на Гризли и говорю, что мы только зря спалили бензин. Ничего интересного здесь нет. Мой друг только отмахивается и с азартом лезет в котлован. Что-то он там заметил блестящее.

Нехотя спрыгиваю за ним. Уф! Хорошо, что земля тут сухая. Не хотелось бы вымазать одежду в грязи. А Мишка тем временем что-то там пытается разглядеть в центре каменного круга. Подхожу к нему и тоже присматриваюсь. Хм! Любопытно. В центре круга виднеется диск из какого-то блестящего металла. Серебристого. Как обычно говорится в полицейских протоколах? Размер? Сантиметров десять в диаметре. На диске видно четкое изображение змеи, кусающей свой хвост. Символ вечности. Странно! Этому храму, по словам ученых, более двух с половиной тысяч лет. А диск на его полу выглядит как новенький. Нет на нем ни следа коррозии. Очешуеть!!! А Мишка тем временем пытается поддеть диск ногтями правой руки. Он у нас еще тот вандал. Потом Гризли бросает это занятие и, ухмыльнувшись, достает свой складной нож. А ножик у него зачетный. Нормальный такой инструмент для настоящего мужчины. Таким можно колбасу нарезать, побриться и горло врагу перерезать. В общем, нужная в хозяйстве вещь. У меня у самого такой же складничок есть. И он всегда со мной на всякий пожарный случай. Мишка напряженно сопит, пытаясь поддеть край диска острием своего ножа. И вскоре, издав победный рев молодого медведя, демонстрирует мне данный артефакт. А я что вам говорил? Вандал, он и есть вандал. Его к археологическим древностям нельзя подпускать. Мишка у нас такой. Любознательный археолог-любитель. В наступающих сумерках металлический диск в его руке тускло блестит. Внезапно мне показалось, что по нему проскакивает искра. Рефлекторно хватаю Мишку за руку, видя недоумение на его лице. Хочу выбить этот долбаный диск из его руки.

И тут события начинают нестись с ошеломительной скоростью. Темнеющее небо в той стороне, откуда мы приехали, начинает светиться ярким, зеленоватым светом. Одновременно с этим таким же ярким светом вспыхивает и загадочный диск в руке Гризли. На лице моего друга застыла удивленная гримаса. Чувствую, как через мою руку, держащую предплечье Мишки, пробивается какая-то энергия. Меня как-то тряхнуло током от шокера. Вот и сейчас что-то похожее ощущаю. Меня как будто парализует. Что это? Что со мной? Не могу двинуть ни одним мускулом. Краем глаза успеваю заметить, что каменный круг у нас под ногами начинает светиться таким же ярким светом. Громкий хлопок и внезапная темнота. Очень похоже на действие свето-шумовой гранаты. Что происхо-о-о-о…

Глава 2

Где мы попадаем куда-то

Сознание возвращалось урывками. Постепенно звуки окружающего мира обретали реальность. Птички чирикают, листва деревьев шумит на ветру. Ёпть!!! Резкая дробь дятла внезапно застучала мне прямо в ухо. Открываю глаза и сразу же зажмуриваюсь от солнечного луча, попавшего в них. Проморгавшись, смотрю по сторонам. Где это я? Лежу на траве. Надо мною колышутся кроны деревьев. Много крон. Лес? Откуда здесь лес? Такой густой и обширный. Дремучий!!! На территории современной Франции таких лесов давно не осталось. Тут загородные пейзажи состоят из аккуратно запаханных полей, пастбищ для скота и многочисленных ферм. И никаких больших и диких лесов здесь нет. От слова СОВСЕМ!!! Есть только небольшие рощи и лесопосадки вдоль дорог. Это вам не Сибирь с ее вековой тайгой. Тут цивилизация давно сожрала такие вот дикие леса на корню. Даже в той же Венгрии или Румынии, куда мы с Мишкой ездим на охоту, нет такого матерого леса. Там леса довольно чистые и светлые. А здесь я вижу сплошные заросли и буреломы. Слева слышится стон. Резко поворачиваю голову и морщусь от боли, пронзившей ее. Как с бодуна клинит. Очень похоже. А вот и мой боевой товарищ, Гризли лежит метрах в трех от меня и мотает головой. Жив, обормот любознательный. Надо будет ему лекцию прочитать о вреде хватания всяких подозрительных предметов. Какого лешего он там этот диск из камней выковыривал? Тут не надо иметь три высших образования, чтобы понять причинно-следственную связь. Когда наш любознательный археолог-любитель отломал тот самый металлический диск со змеей, то нас тут же и долбануло не по-детски. Кстати, чем это нас так приложило? Неужели французские археологи поставили какую-то хитрую систему охраны от вандалов вроде нас? И ведь знает же паразит про подобные мины-ловушки. Это когда бармалеи ставят хитрую мину, а поверх нее укладывают какой-нибудь интересный предмет. Любой, что сможет заинтересовать вас. Ловушка для дураков. Поднимаешь такой вот мобильник, лежащий на краю дороги. И под ним срабатывает запал. Мина взрывается, и любопытному придурку приходит конец. В общем, надо его отругать за ту дурную выходку в древнем храме. Но сейчас мне лениво это делать, в себя бы прийти. Да и Гризли, смотрю, вон как колбасит. В данный момент ему так же хреново, как и мне. Значит, нам надо немного отлежаться. Войти в тонус.

Наконец, минут через пятнадцать мой организм перестал бунтовать. И я смог подняться. Мишка тоже взбодрился и не выглядел больше умирающим пациентом городского вытрезвителя. Оглядываюсь по сторонам более тщательно. Да, мне не показалось. Вокруг нас шумит листвой дремучий лес. И конца и края его не видать. Это точно не куцая французская рощица. Тут все по-взрослому. С размахом. Здесь цивилизацией и не пахнет. Кстати, вокруг нас вся трава выгорела. Я сказал вокруг? Да, да! Именно так! Мы с Мишкой лежали в круге выжженной земли. Лесная подстилка и трава на ней прогорели до хрустящей корочки. Странно. А на нас нет ни следа ожогов. Хотя, судя по всему, мы с Мишкой были в эпицентре огненной стихии. Но огонь нас не тронул. Только выжег всю траву в круге диаметром метра четыре-пять. Ровненький такой кружок. А вот дальше лесная травка осталась не тронутой. Колосится как ни в чем не бывало. Странно все это!

– Чё здесь происходит, Рык? – наконец, произнес Мишка, озираясь по сторонам. – Где мы? Это точно не Франция.

– Я и сам в недоумении, Гризли, – отвечаю я. – Может быть, это типа розыгрыш такой? Ну, как по телевизору показывают. Вырубили нас с тобой, а затем отвезли в лес и бросили. А сейчас снимают на камеру, как мы будем реагировать.

– Да иди ты! – не поверил мой друг. – Кому мы на хрен сдались с тобой, чтобы вот так над нами прикалываться в прямом эфире? Это же какие расходы? Таких лесов я что-то во Франции не припомню. А значит, он находится в другой стране. Это что, нас туда вывезли, что ли? Быстро и дешево это сделать не получится. На машине геморно и долго. Значит, транспортировать наши бессознательные тушки надо на вертолете. А это знатные расходы. Французские киношники-приколисты такие траты не потянут. Эти же скупердяи за копейку удавятся. А тут за вертолет платить надо. Нет, это не вариант.

– Выдвигай свою версию, дружище! – пожал плечами я, соглашаясь с доводами Гризли.

– Это же явное попадалово, – огорошил меня Мишка. – Мы точно попали в другой мир. Я про такое читал.

– Ага, в фантастических книжках.

– А чё такого? Там авторы толково пишут про разных попаданцев. Вот и мы также… попали, короче!

– Интересно, куда?

– Хотелось бы верить, что в мир фэнтези. Мир меча и магии.

– Какая магия-шмагия? Ты что несешь, Гризли? Ты тут случайно мухоморчиков не хватанул без меня?

– Да ну тебя, Рык. Нет в тебе романтизьму. В фэнтези-мирах же всегда эльфы есть всякие. А у них такие бабы зачетные. Я бы зажег с эльфийкой. А лучше с тремя. Гы, гы, гы!

– Ага, эльфийки. Только если мне не изменяет память, вместе с эльфами живут и разные орки, гоблины-людоеды, тролли и прочие чудища ужасные. Чем ты от них отмахиваться будешь? Своим ножиком складным? Или у тебя там где-то волшебный меч завалялся? Или пулемет?

– Да, Рык, про гоблинов с троллями я не подумал. Это реальная засада! С ними без пулемета не разберешься. А во всякой фэнтезятине еще и драконы обитают. И тут уже гранатомет нужен.

– Нужен. Только где мы его возьмем? У нас нет с собой никаких стволов и патронов. Поэтому на хрен с мопеда твою фэнтези! И вообще, пора двигать из этого леса. Выйдем к людям. Узнаем, куда нас занесло. А там уже будем решать по обстановке. Прорвемся!

– Я только за! Ты же знаешь, Рык, что я за любой кипиш, кроме голодовки.

– Значит, двигаем на юг.

– Почему на юг?

– Потому что там тепло и солнце светит.

Своей показной бравадой я пытался скрыть большую растерянность. Только сейчас я вдруг понял, что же все это время царапало мой взор. Мыто с Мишкой вошли в тот древний храм в начале мая. А здесь вокруг, судя по виду листьев и подросшей траве, вовсю шумит самое настоящее лето. Как такое возможно? Поэтому версия Гризли про наше попаданство показалась мне не такой уж и бредовой. И спорил я с ним только для вида.

Правда, сразу идти в марш-бросок мы не стали. Вдумчиво изучили все, что у нас было с собой. Два складных ножа, ключи от дома (2 штуки) и от машины, пластиковые карты (2 штуки), права Гризли на управление автомобилем и мои права на управление мотоциклом, початая пачка жвачки, четыре презерватива в упаковке, наручные часы механические и противоударные (2 штуки), зажигалка фирмы «Зиппо», мелочь (7 монет евро разного номинала), мобильный телефон Гризли и его же солнечные очки «а’ля Терминатор», золотой нательный крест Гризли и мой золотой перстень. Кстати, мобильник сдох. Батарейка отрубилась. Хотя Гризли утверждал, что недавно его заряжал. А я вот свою мобилу в «бумере» оставил на подзарядке. Кстати, брелок автомобильной сигнализации тоже скончался и ни на что не реагировал. Похоже, что перенос лишил заряда батарейки в нем и телефоне. А может быть, какой-нибудь электромагнитный импульс при этом выжег нафиг всю электронику? Хорошо, что хоть наши часы и зажигалка работали исправно. Там- то электроники нет. Одеты мы были примерно одинаково. Оба носили короткие кожаные куртки черного цвета. Берцы с высокой шнуровкой. На Мишке черные тактические штаны с карманами. А на мне байкерские штаны из тонкой кожи. Тоже черного цвета. Оба мы одеты в черные футболки с рисунком на груди. У меня там нарисована оскаленная морда белого медведя в голубом берете российского десантника. И под ней надпись на русском языке: «Не буди во мне зверя, он и так не высыпается!» А у Мишки на груди красовался медведь-гризли во всей своей красе. И тоже надпись на русском языке: «Бойся Гризли!» Если вдруг кто-то станет удивляться русским надписям на наших майках, – типа, где Франция и где Россия? – отвечу кратко: «Интернет!» В современном мире он решает все проблемы. Вы можете любую вещь там найти, купить, и вам ее доставят. Вот и эти маечки мы с Мишкой приобрели в одном из многочисленных интернет-магазинов. Любой каприз за ваши деньги!

Между прочим, Гризли это тоже заметил. Что здесь ни фига не месяц май. Жарковато тут в наших кожаных курточках. Поэтому их снимаем, закидываем за плечо и двигаем в сторону юга, ориентируясь по солнцу. Я надеюсь, что в этом мире юг находится в той же стороне, что и на привычной нам планете Земля.

Следующие пять часов были довольно монотонными. Местность вокруг все тот же дикий и густой лес. Хорошо, что хоть гор или высоких холмов нет. По равнинному-то лесу передвигаться гораздо проще. О дикости здешних мест говорило наличие большого числа диких животных и птиц. Мы несколько раз видели оленей, кабанов, барсуков, зайцев, белок и куропаток. И это только те, кто показались нам на глаза. Судя по следам на земле, в этом лесу обитало очень много дичи. Помимо мирных животных, мы увидели и следы волков. А в одном месте на лесной подстилке четко отпечатались даже следы медведя. Это нас заставило усилить бдительность и вооружиться примитивными копьями. Для чего пришлось срезать при помощи ножа молодые деревца, очистить стволы от веток и заострить на конце. Оружие не самое матерое, но отмахаться от тех же волков хватит. А от медведя мы просто убежим. Мы же не Рэмбы, чтобы с заостренной палкой на топтыгина кидаться.

Но на исходе шестого часа наших блужданий по всем этим зарослям мы с моим другом стали уставать, несмотря на всю нашу выносливость и силу. Обычный-то человек давно бы выдохся. По лесу ходить, это вам не по асфальту дефилировать. Пересеченная местность она такая. Трудная и изматывающая. Да и голод давал о себе знать. Жрать хотелось уже не по-детски. Мишка даже предложил завалить какую-нибудь зверушку или птичку и сварганить из нее шашлык. Я не успел с ним согласиться, как почувствовал это. Божественный запах жареного мяса защекотал мои ноздри. О, кайф!!! Мой рот наполнился слюной. Краем глаза вижу, что мой товарищ настороженно замер на месте. Тоже унюхал что-то вкусненькое? Вон как сглотнул в предвкушении. Мы понимающе переглянулись и двинулись в сторону появившегося раздражителя. Впереди была жратва, и кому-то придется ею с нами поделиться. Никогда не становитесь между едой и голодными наемниками.

Но несмотря на голодное бурчание в животах, к месту мы подходили осторожно. Подкрадывались, как во время боевой операции. Наше боевое прошлое приучило нас с Мишкой не кидаться в атаку наобум. Заполучить лишнее отверстие в своем организме от нервных аборигенов мы не хотели. И не важно, кто это будет, люди или мифические эльфы. И те и другие могут оказаться враждебными к непонятным пришельцам вроде нас. Поэтому мы по всем правилам партизанской войны подкрадывались к источнику вкусных запахов. Хорошо, что лес шумел листвой на ветру, скрадывая звуки нашего приближения. И на всякий случай мы подползали с подветренной стороны. Чтобы наш запах не учуяли собаки. Если они есть у тех, кто сейчас жарит такое вкусное мясо на костре.

Но собак там не оказалось. И мы смогли незамеченными приблизиться к костру, возле которого сидели двое аборигенов. С виду самые обычные люди. Никаких эльфийских ушей или зеленой кожи. Обычные люди европейской расы. Скорее всего, отец и сын. Мужик лет тридцати и парнишка лет семнадцати-восемнадцати. Правда, сын на папашу совсем не похож. Тот рыжий, низкорослый детина весь в конопушках, а парнишка белобрысый и высокий ангелок. Красавец и чудовище. М-да! Оба одеты довольно архаично. Рубахи и штаны из грубой серой ткани. На ногах кожаные мокасины. Я бы сказал, что эти типы были одеты по-средневековому. Никаких современных вещей я у них не увидел. Ни мобильников, ни наручных часов, ни других гаджетов. Ничего. Вооружены они тоже были по-средневековому. Луки с колчанами стрел лежали рядом с костром. Мужик орудовал довольно грубым ножом, явно самодельным. Умело разделывал тушу оленя, лежавшего на траве неподалеку. А парнишка жарил на костре шашлыки на деревянных шампурах из веток. Похоже, что перед нами местные охотники на привале.

Но на современных охотников они были совсем не похожи. Мы-то среди охотников тусовались. Никто из них вот так отстойно одеваться не станет. Только матерый камуфляж или дорогие охотничьи костюмы. А тут два бомжа, одетых в какую-то дерюгу. Да, и луки у них самые простые. Деревянные и с виду очень примитивные. Такие точно в охотничьих магазинах не продают. Я подобные убогие поделки только у реконструкторов и видел. Но на реконструкторов эти ребята были совсем не похожи. Это вам не современные люди, одевшие средневековые одежды. Не похожи по повадкам. Эти охотнички носили свою потрепанную одежку очень естественно. Как повседневную одежду. Такое можно увидеть только на съемках исторического фильма с очень хорошими консультантами и стилистами. Но здесь-то фильм точно не снимают. И эти вон товарищи никакие не актеры. Да и никакой киноактер не сможет вот так уверенно и профессионально свежевать оленя. Я и сам так не смогу. Хотя разделывать дичь мне тоже приходилось. Но тут сразу видно. Профессионал работает.

Немного понаблюдав за охотниками, я решил вступить с ними в контакт. Сигналю пальцами Гризли, чтобы прикрывал. И кашлянув, выхожу из-за дерева. Без оружия. Свое примитивное копье я оставил в кустах. А ножик у меня в кармане куртки лежит, которую я надел на себя перед выходом.

Поднимаю руки перед собой и говорю, что я пришел с миром. По-французски, а затем по-русски. Мужик с парнем как-то затравленно оглянулись по сторонам и

потянулись к лукам, лежавшим на земле.

– Тише, тише, ребята! – говорю, помахивая перед собой пустыми руками. – Я не сделаю вам ничего плохого. Я тут немного заблудился. Дорогу не подскажете.

– Мы не сделали ничего плохого, господин! Этот олень. Мы его не убивали. Мы его уже нашли таким! – внезапно отвечает мне тот, что постарше. И кланяется. Парнишка за его спиной тоже поклонился, слегка тормознув.

Кстати, ответил он мне по-французски с легким акцентом. Что меня чрезвычайно порадовало. Теперь хоть можно с ними поговорить нормально. А то как бы я с этими нервными аборигенами общался, если бы они не знали языка, который известен мне? А так все в порядке. Контакт налажен. Правда, говорили эти кадры как-то странновато. Архаично, что ли. Много эдаких слов… Старинных. Такие в современном французском языке редко встретишь. Но тем не менее говорили они понятно. После десятиминутного разговора я глубоко задумался.

Похоже, что Мишка был прав. Мы действительно попали. Но не в другой мир. Земля вокруг была Францией. Однако на этом вся позитивная информация и закончилась. Мы с моим другом каким-то образом оказались во Франции образца 1422 года от Рождества Христова. Пятнадцатый век, мать его за ногу!!! Мы провалились в прошлое. Ну, хорошо, хоть эльфов с орками здесь нет. И драконов. Только люди, которые воюют без перерыва. Мы попали в махровое средневековье. Эту информацию надо было обмозговать. В процессе общения к нам присоединился и Мишка. Местных охотничков мы успокоили, уверив их в том, что нам совершенно плевать на убитого оленя. А нервничали они не зря. Ведь по всем законам сейчас и здесь они являются самыми настоящими преступниками. Браконьерами. А за браконьерство простолюдинов в средневековой Франции казнили через повешенье. Так как здешние леса все принадлежали феодалам. Охотиться там могли только они. Ну, а людей других сословий за незаконную охоту ждала смерть.

А обмозговать нам с Гризли было что. Мы с ним угодили не в самое мирное время многострадальной Франции. Здесь уже более восьмидесяти лет бушевала война между Англией и Францией, которую впоследствии историки назовут Столетней войной. Вообще-то, она длилась не все это время. Были в ней и небольшие перерывы. Так вот. Это была серия военных конфликтов между Английским королевством и его союзниками – с одной стороны, и королевством Франция и его союзниками – с другой. А поводом для такого долгого противостояния

являлись притязания английских королей на французский престол. Кроме этого, англичане стремились оттяпать от Франции солидный кусок земли. И для французов боевые действия шли не очень хорошо. Да что там говорить! Били их англичане больно и часто. Вот относительно недавно, всего семь лет назад отшумела битва при Азенкуре, которую французы опять с треском продули. И к этому моменту англичане уже контролировали Нормандию, Гасконь, Пуату, Гиень и часть Аквитании. И останавливаться на этом не собирались.

Если быть более точным, то мы сейчас находились в графстве Мэн, расположенном на северо-западе королевства Франция и граничащем с герцогством Нормандия. А встреченные нами браконьеры жили неподалеку. В небольшой лесной деревушке. Мы же представились иностранными дворянами. Из далекой и загадочной Руси. Здесь все равно никто ничего не знал об этой стране. Для местных европейцев Русь была чем-то мифическим и очень далеким. И кроме бредовых легенд и мифов о жизни русских людей в той же Франции ничего не было известно. Мы не зря такую Родину выбрали. Так меньше будет шансов спалиться на мелочах. Вот за тех же французов или их ближайших соседей мы вряд ли сойдем. Не знаем мы местных реалий и бытовых мелочей. Нас тут быстро расшифруют. Да и все дворяне у них тут друг друга знают. И могут нас как самозванцев быстро вычислить. Почему мы решили быть дворянами? Так не получится у нас притворяться простолюдинами. Воспитание не то. Не хотим мы с Гризли пресмыкаться. Можем и в морду дать за косой взгляд. А местные крестьяне и горожане так себя не ведут. Вон даже браконьеры, застигнутые на месте преступления с поличным, разговаривали с нами довольно уважительно и подобострастно. С ходу приняли нас с Мишкой за дворян. Кстати, старшего браконьера звали Дилан, а младшего Жером. И они были родственниками.

Точнее говоря, отец и сын. Угадал я. Правда, Жером был не родным сыном Дилана. Просто Дилан женился на его матери и усыновил Жерома. Но об этом мы узнали позднее.

Так вот, Дилан принял нас за дворян. Тут виновата наша одежда. По местным меркам мы были одеты очень круто. Богато одеты. У простолюдинов такой одежды быть не может. И хотя богатые горожане и купцы тоже одеваются неплохо, но вот поведение у них другое. Повадки у них не те. Что-то такое он в нас увидел. Хищное. Может быть, и так, мы же с Мишкой за нашу короткую жизнь так заматерели и морально и физически, что наши мирные сверстники на нашем фоне выглядят, как домашние пудели на фоне волков. Блин, я и сам за

собой что-то такое звериное замечал. Могу давить на людей морально. И сам могу легко отличить настоящего бойца от обычного мажора. М-да! Вот и Дилан оказался таким же внимательным психологом. Увидел в нас что-то эдакое. Опасное. И сделал вывод, что так богато одетые люди с ощутимой аурой убийц могут быть только дворянами. А все наши странности он списал на наше иностранное происхождение. И кстати, рисунки на наших майках его только утвердили в мысли, что мы совсем не простолюдины. Он принял их за гербы. А герб на одежде здесь могут носить только дворяне или их слуги. Но на слуг мы были совсем не похожи. Слуги так не одеваются. Разубеждать старшего браконьера мы и не думали. Быть дворянами из далекой Руси нам подходило по всем статьям. Идеальная легенда внедрения для нелегалов вроде нас с Мишкой.

Глава 3

О нашем вживании в новый мир

Шел уже восьмой день нашего пребывания в этом новом мире. Мире средневековья. Мы с Мишкой нашли пристанище в той самой деревне, где жили наши новые знакомые. Те самые браконьеры. Отец и сын, которых мы встретили в лесу. Мы теперь поселились в их доме, который стоял немного на отшибе. Не на халяву, как вы могли подумать. Мы заплатили за свое проживание, между прочим. Мишка подарил Дилану блестящий брелок от ключей с логотипом BMW. Для нас это была бесполезная безделушка. А вот для средневековых людей брелок из серебристого металла стал настоящим сокровищем. И надо отдать должное Дилану, он пытался отказаться от нашего подарка. Заявил, что это слишком дорого, но мы настояли. И теперь могли жить в доме этого браконьера хоть несколько лет. Так Дилан нам сказал. Конечно, мы так долго не планировали здесь задерживаться. Но какое-то время мы тут побудем. Нам нужна временная база.

Мы с Гризли решили, что сразу же бросаться в бурную жизнь средневековой Франции не стоит. Не стоит нам пока высовываться в большой мир. Лучше мы будем потихоньку вживаться в местные реалии. А для этого нам была нужна информация о жизни аборигенов. Вот мы осторожно и ненавязчиво общались с крестьянами в этой лесной деревушке, которая особыми размерами не поражала. Всего семь домов. Здесь проживали сорок шесть человек. Взрослых и

детей, большая часть из которых были родственниками. Селяне жили тихой и размеренной жизнью средневековых фермеров. На мелких лесных делянках они выращивали рожь и ячмень.

И пасли коз. Ну, и конечно же пользовались дарами леса. Собирали там ягоды, грибы и съедобные коренья. И охотились. Куда же без этого? Понятное дело, что свои охотничьи успехи лесовики не афишировали. Я уже говорил, что за браконьерство тут сурово карают, если поймают. Но судя по всему, этих вот хитрых селян еще ни разу не ловили с поличным.

У них была даже своя небольшая пасека из четырех ульев с пчелами. В общем, по местным меркам жители этой деревушки жили очень даже зажиточно. И что самое главное – все они были свободными людьми. Вилланами. В этих краях, вообще, было довольно мало крепостных крестьян, которые тут назывались сервы. Пока еще во Франции оставалось довольно много вилланов. Хотя сервов было гораздо больше. Особенно много их жило в центре и на востоке Французского королевства. А вот в графстве Мэн крестьяне в основном были еще лично свободны. Здесь большую часть территории занимал тот самый лес, в котором мы очутились, попав в этот мир. И это было основным препятствием для закрепощения крестьян. Тут человек мог в любой момент бросить все и скрыться в лесах. И хрен ты его там найдешь. Жители здешних мест очень свободолюбивы и упрямы. И поэтому французским феодалам было трудно закабалить крестьян в этом районе. Крестьяне здесь всегда могли уйти от своего феодала, если им что-то вдруг не понравится. И хотя земля принадлежала дворянам, но крестьяне, работавшие на ней, здесь были лично свободны. Они тут скорее были арендаторами, а не зависимыми работниками.

Вот от жителей деревни мы и решили пока узнать побольше об окружающем нас мире. Культура, обычаи, нравы, бытовые мелочи. Что здесь можно, а что нельзя. В общем, для нормального вживания в общество средневековой Франции нам была нужна информация. И большую часть этой самой информации нам поведал Дилан, который оказался очень занимательной личностью. Кстати, общались мы с ним на вполне понятном нам французском языке. Оказывается, этот язык был когда-то диалектом, на котором говорили жители провинции Иль-де-Франс. Именно там располагался город Париж и ядро французского государства. От этой территории и получил название язык, на котором там все говорили. Вообще-то, в средневековой Франции существовало очень много диалектов. Почти в каждом графстве и герцогстве был свой диалект. Однако к пятнадцатому веку язык Иль-де-Франс уже распространился по всей территории

Французского королевства. Это был официальный, государственный язык. На нем говорила вся французская знать, священники, купцы, горожане. Крестьяне тоже знали французский язык, но и свои родные диалекты тоже не забывали. Вот в этой лесной деревне селяне хоть и знали французский язык, но предпочитали общаться между собой на анжуйском диалекте, который отличался от французского языка, как украинский язык отличается от русского.

Дилан рассказал нам историю своей жизни, которая была довольно бурной. Родился и вырос Дилан в Англии. Точнее говоря, в Уэльсе. Есть на территории Английского королевства такая провинция, на юго-западном побережье. Дилан был самым настоящим валлийцем. Так называли коренных жителей Уэльса. Валлийцы были очень беспокойным и вольнолюбивым народом. Когда-то давно Уэльс был независимым королевством, которое было покорено англичанами. Но жители Уэльса не забыли об этом и мечтали о независимости. И восставали против власти Англии с завидной регулярностью. Для английских королей Уэльс был постоянной головной болью. И вот 16 сентября 1400 года в Уэльсе вспыхнуло очередное восстание. Его причиной стал длительный территориальный спор между валлийским рыцарем Оуайном Глиндуром и английским бароном де Греем, известным своей дурной репутацией среди валлийцев. Итак, Глиндур поднял восстание и был провозглашен принцем Уэльским небольшой группой его сторонников. И кстати, его претензии на этот титул были не беспочвенными. Это вам не какой-то там самозванец вроде русского Лжедмитрия. Как нам объяснил Дилан, Оуайн Глиндур был потомком правителей древнего валлийского королевства Повис, а по линии матери – Элен ферх Томас – потомком королей Дехейбарта. В общем, этот знатный товарищ королевской крови решил вновь возродить независимое королевство в Уэльсе. Сторонники Глиндура очень быстро распространились по всей северо-восточной части Уэльса. Замок барона де Грея подвергся нападению и был почти разрушен. Кроме этого, валлийскими повстанцами были еще захвачены ряд городов и замков. Многие знатные семейства Уэльса присягнули на верность Глиндуру.

Среди них были даже Тюдоры из Англии. По всему Уэльсу началась партизанская война против англичан и их сторонников. Английский король Генрих Четвертый был вынужден отказаться от вторжения в Шотландию, с которой он до этого воевал. И двинул свою армию в Северный Уэльс. Однако валлийцы не стали вступать с англичанами в открытый бой. Вместо этого армия Генриха Четвертого подвергалась нападениям из засад и постоянным набегам мелких отрядов. Что вынудило Генриха к 15 октября 1400 года отступить в Шрусберский замок с сильно поредевшим войском. В 1401 году восстание распространилось уже на всю территорию Уэльса. А валлийские барды на все лады воспевали своего

нового короля, утверждая, что его воцарение было предсказано еще Мерлином. Мифическим магом, который некогда воспитал самого короля Артура. Во как! Средневековые люди очень любят всякий там символизм и мистицизм. Вот и Мерлина приплели к этому восстанию против англичан.

Английский король Генрих Четвертый отправил Генри Перси Хотспура графа Нортумберленда, чтобы тот наказал бунтовщиков. С Хотспуром отправился в Уэльс и четырнадцатилетний сын короля, будущий Генрих Пятый. Армия Хотспура вторглась в Уэльс и начала подавлять этот мятеж с особой жестокостью. Они убивали всех без разбора. А пленных бунтовщиков подвергали пыткам, после чего казнили. В середине июня 1401 года войска Оуайна Глиндура разбили англичан в битве при Минидд Хиддген. После чего в Уэльс вторглась еще одна английская армия под командованием короля Генриха Четвертого, которая опять потерпела неудачу. Тут повторилась ситуация 1400 года. Валлийцы имели меньше сил и в большие сражения с англичанами не вступали. Они вели свою любимую партизанскую войну против английской армии. В итоге и эта военная кампания Генриха Четвертого против повстанцев закончилась полным провалом. Сильно потрепанная английская армия была вынуждена убраться восвояси. Но английский король не собирался с этим мириться. Война в Уэльсе продолжалась.

В 1402 году валлийцы разбили англичан в битве при Брин-Гласе. В этой самой битве участвовал и Дилан. Тогда ему было всего шестнадцать лет. Но он, как и многие валлийцы, ненавидел англичан. Кстати, если говорить об английских лучниках, то самыми крутыми стрелками в армии английских королей были всегда валлийцы. Именно они прославились своим мастерством в сражениях англичан с французами во время Столетней войны. Вот и юный Дилан был лучником. Он родился в зажиточной семье свободных землевладельцев. И с детства, как и многие его сверстники, увлекался стрельбой из лука. В Уэльсе это был самый популярный вид спорта. Юноша мечтал о славе великого воина. Однако его отец решил, что Дилан станет священником. В возрасте пятнадцати лет его отдали на воспитание в ближайший монастырь. Монастырская жизнь Дилану не понравилась. И через год он сбежал оттуда, пристроившись к одному из отрядов валлийских повстанцев. Битва при Брин-Гласе была его первой, и он ее хорошо запомнил. Потом было еще много сражений. Больших и мелких. О своем решении Дилан потом ни разу не пожалел. Ему нравилась такая жизнь. Быть монахом он не хотел. Скучно это.

Французы, терпящие от англичан одно поражение за другим, решили воспользоваться ситуацией в Уэльсе и заключили с Оуайном Глиндуром союз против Англии. Они прислали небольшое войско в Уэльс и стали поставлять оружие валлийцам. Дела англичан в Уэльсе шли очень плохо. К 1404 году Глиндур контролировал почти всю его территорию. Он был официально коронован как принц Уэльский и объявил о создании независимого валлийского государства со своим парламентом и церковью.

1405 год ознаменовался в Уэльсе как «Французский год». Там высадились франко-бретонские войска, численностью в три тысячи рыцарей и латников, во главе с Жаном де Рё. После чего война переместилась уже на земли англичан. Валлийцы вместе с франко-бретонцами перешли в наступление на восток через Гламорган и Гвент. Правда, больших успехов они там не добились. Взяли несколько замков на своем пути и разграбили пару небольших городов англичан. А потом франко-валлийская армия отступила назад в Уэльс.

Последующие годы стали для сторонников Глиндура очень тяжелыми. Череда поражений и предательство крупных феодалов подкосили власть правителя Уэльса. К 1412 году восстание в Уэльсе было жестоко подавлено англичанами. Вся его территория контролировалась войсками английского короля. Оуайн Глиндур исчез в неизвестном направлении. В последний раз его живым видели 21 сентября 1415 года в Харвесте. После чего место его пребывания было неизвестно. Многие думали, что он умер, другие так не считали. Оуайн Глиндур так и не был пойман англичанами. Хотя множество его соратников закончили жизнь на плахе и в петле.

Дилан покинул Уэльс и уплыл во Францию вместе с последними французскими рыцарями, которые смогли оттуда эвакуироваться. И он там был не один такой беженец. Около тысячи валлийцев теперь присоединились к войскам французского короля, чтобы воевать на полях Франции против ненавистных англичан. Позже Дилан участвовал в малых и больших сражениях Столетней войны. Даже в знаменитой битве при Азенкуре отметился. Эта битва произошла 25 октября 1415 года между французскими и английскими войсками. Там немногочисленная армия англичан смогла в пух и прах разгромить огромную французскую армию. Мы поспрашивали Дилана о том сражении. И вот что он нам рассказал.

Англичане расположились для боя на узкой полоске земли приблизительно в 750 ярдов (865 метров), ограниченной крупными лесными массивами. Их силы

составляли около трех тысяч человек. Из них примерно пять сотен составляли рыцари и латники. А все остальные бойцы были лучниками. Английский король Генрих Пятый расположил свои войска в линию, где спешенные рыцари и латники стояли вперемешку с лучниками. Англичане предпочитали спешиваться для боя. Такая тактика здесь называлась «английским стилем». А вот французы в битвах больше полагались на тяжелую кавалерию. На конных рыцарей. И хотя в ходе Столетней войны англичане уже не раз доказывали, что их тактика более успешна, но французы с маниакальным упорством все еще делали ставку на лихие кавалерийские атаки. И проигрывали, проигрывали, проигрывали одно сражение за другим. Уже не раз в этой истории пешие английские лучники, усиленные спешенными рыцарями и латниками, били на поле боя многочисленных французских кавалеристов. Англичане умело использовали не только своих стрелков, но и местность. Они старались выбирать неудобную позицию для действий тяжелой, рыцарской конницы. Кроме этого, английские лучники использовали и заостренные колья, воткнутые в землю перед собой под углом в сторону противника. Это чтобы защитить себя от атаки вражеских всадников. И французы все это знали, но каждый раз наступали на те же грабли. Вот и при Азенкуре многочисленные французские рыцари без всякой дисциплины и команды ринулись на врага.

Прямо через мокрое и грязное поле (недавно прошел дождь). При этом они умудрились потоптать свою пехоту и арбалетчиков, шедших в авангарде.

Лошади с тяжелыми всадниками в той грязи застревали и быстро уставали. Никакого таранного удара французской конницы здесь не получилось.

Конные французские рыцари на своих тяжеленных и неповоротливых конягах медленно и печально тащились по грязным буеракам, то и дело застревая в грязи и падая под градом стрел из длинных луков, которыми их поливали английские лучники. Всадники, все же добравшиеся до кольев, натыкались на это опасное препятствие, губили коней и выпадали из седел прямо под ноги англичанам. Которые их и добивали. Неповоротливые французские рыцари в тяжеленных доспехах были беспомощны.

Они увязали в грязи, падали. А многие из них просто тонули и захлебывались в лужах, наполненных жидкой грязью. В общем, очень фееричная картина! А юркие и маневренные английские лучники их легко убивали при помощи кинжалов и коротких боевых молотов. Или брали в плен. Кстати, французов в той битве участвовало раза в четыре больше, чем англичан. Но это им не

помогло. Англичане смогли отбить все атаки французов и захватить много пленных. Правда, около трех тысяч пленников английский король распорядился убить. Он боялся, что те взбунтуются в самый решительный момент боя. И англичане исполнили этот жуткий приказ. Ворчали, но убивали беспомощных пленников, многие из которых были ранены.

М-да! Что бы там ни говорили о рыцарской чести и благородстве, но если надо, то здешние феодалы о них моментально забывали. Впрочем, для нас-то с Гризли такой поступок английского короля не выглядит кощунственным. Мы и не на такое насмотрелись в толерантном и гуманном двадцать первом веке. Там было все: убийства и геноцид гражданского населения при помощи ракет, бомб и снарядов; расстрел мирных городов; пытки и убийства пленных и многое другое. Мы-то с Мишкой прекрасно видели, что творят просвещенные демократии с нецивилизованными (а это все не европейцы или не граждане США) народами Ближнего Востока, Латинской Америки и Африки. Поэтому нас особо и не возмутил тот преступный и очень неблагородный приказ Генриха Пятого. А вот Дилана эта тема задевала за живое. Это было отчетливо видно. Хоть валлиец и простолюдин, но он дитя своей эпохи. А здесь многие люди еще верили в благородство и честь.

Так вот! То сражение при Азенкуре французы продули с разгромным счетом. Англичане там потеряли около полутора тысяч, а французы около шести тысяч человек. Но главное, континентальная Франция лишилась почти всей своей высшей аристократии. Кроме убитого Антуана Бургундского, герцога Брабантского, погибли еще Жан Первый, герцог Алансонский и Эдуард Третий, герцог де Бар, Филипп Второй, граф Невер, Фридрих Первый, граф Водемон, Шарль д’Альбре, коннентабль Франции, Робер де Бар, граф Суассона, Жак Первый де Шатильон, адмирал Франции. И это только имена тех, кого Дилан смог вспомнить. В общей сложности погибло около сотни представителей высшей аристократии и примерно полторы тысячи обычных рыцарей Французского королевства. Это сильно ударило по Франции, ослабило ее. К сегодняшнему моменту англичане уже контролировали около половины территории Французского королевства.

Кроме этого, герцоги Бретонский и Бургундский стали союзниками английского короля Генриха Пятого, который по договору в Труа в 1420 году был объявлен наследником французского короля Карла Шестого Безумного, в обход законного наследника дофина Карла. В общем, во Франции скоро будет аж два короля. Я-то припомнил, что дофин Карл не смирится с потерей трона. Это к нему

знаменитая Жанна д’Арк придет и будет просить у него армию для борьбы с англичанами. И дофин эту армию ей даст. Правда, когда он при помощи той же Жанны станет законным королем Франции, то тут же сдаст ее англичанам. И в историю этот скользкий тип войдет как Карл Седьмой, король Франции. Но это потом. А сейчас всего этого еще не случилось. И Жанны д’Арк на исторической арене еще нет. Она еще пока слишком мелкая, чтобы стать спасительницей Франции. Кстати, французы ее даже в двадцать первом веке почитают и уважают. И в довесок ко всему, итоги битвы при Азенкуре привели к настоящей гражданской войне во Франции. Тут сейчас вовсю воюют между собой две фракции. Бургиньоны и Арманьяки. Эти два самых могущественных рода французских аристократов решили выяснить, кто из них круче. Королевская власть ослабла. И высшая аристократия Франции решила померяться силами. М-да! Сейчас во Франции наступила не очень спокойная жизнь. И мы оказались в самом ее центре. Вот попали так попали!

Однако Дилан продолжил свой рассказ. После Азенкура, где он умудрился уцелеть, он еще год воевал с англичанами и их союзниками. Но потом военное счастье ему изменило. В одной из мелких стычек с бретонцами Дилана серьезно подранили. Его соратники оставили умирающего бойца в этой самой лесной деревушке, а сами ушли дальше воевать. В принципе, их нельзя винить. Ранение у Дилана было довольно серьезное, с такими тут редко выживают. Все его товарищи уже списали его со счетов. А он выжил. Выжил благодаря стараниям местной знахарки и травницы, которая проживала здесь. Она-то и выходила умирающего валлийца. Вытащила его своими припарками и настоями с того света. А когда он пришел в себя после горячечного бреда, то увидел ее. Травницу звали Амели.

И была она еще очень молода. Всего семнадцати лет от роду. И очень красива, между прочим. В общем, наш героический валлиец влюбился в нее с первого взгляда. Вскоре она ответила взаимностью, и Дилан остался в этой французской деревушке, затерянной в бескрайних лесах графства Мэн. Это были самые счастливые годы его беспутной жизни. Свою молодую жену Дилан любил. Кстати, у этой юной особы был младший брат, которому исполнилось тогда одиннадцать лет. И звали его Жером. Дилан, женившись на Амели, его усыновил. Решили, что так будет лучше для всех. Молодожены жили душа в душу два года. Окружающие не могли на них нарадоваться. Так уж Дилан и Амели были счастливы.

Но внезапно счастью пришел конец. Амели забеременела. Затем роды, которых организм молодой мамы не выдержал. Жена Дилана умерла. Новорожденный ребенок тоже умер. Такое здесь случается часто. Нет тут нормальной медицины. И тем не менее люди даже здесь в махровом средневековье умудряются плодиться и размножаться. Правда, смертность при родах тут тоже не маленькая. Статистика, однако! И Амели стала цифрой в этой самой статистике. И ее не родившийся ребенок тоже.

Расспрашивать дальше мы не стали. И так ясно. Страдал мужик крепко. Боль утраты и сейчас вон проглядывает. Но несмотря на это, Дилан не сломался. Нашел в себе силы жить дальше. И воспитывать своего приемного сына Жерома. На мой взгляд, он его неплохо воспитал. Нормальный парнишка вырос. Сильный, ловкий. Правильный. Без гнили и понтов. Молодец Дилан! Не сломался. Уважаю! Хватит его расспросами мучить. Пускай отдыхает. Завтра пойдем с ним на охоту на оленя. Валлиец обещал нас взять с собой.

Кстати, в ходе бесед с Диланом я добавил несколько штрихов к нашей легенде. А то нашему гостеприимному валлийцу показалось странным отсутствие у нас лошадей, доспехов и оружия. Дворяне же обычно без них не путешествуют. Пришлось придумывать трагичную историю про то, как на наш корабль, плывший по реке, напали какие-то люди. На обычных лесных разбойников они были не похожи. Слишком хорошо вооружены. И доспехи у них тоже были отличные. Тут Дилан предположил, что на нас напали англичане или союзные им люди герцога Бретонского. Впрочем, и сами французы могли напасть. Тут из-за гражданской войны Бургиньонов и Арманьяков царил настоящий бардак. В общем, эти неопознанные нами воины захватили наш корабль и убили всех, кто на нем плыл. И только нам с Гризли удалось прыгнуть за борт и спастись вплавь. Понятное дело, что при этом мы бросили все свои доспехи и оружие. С ними-то даже чемпион по плаванию далеко не уплывет. Кстати, наше умение плавать Дилана сильно удивило. В средневековой Европе люди крайне неохотно заходили в реки, озера и моря. Считалось, что в воде обитают разные чудовища и злые духи. Типа русалок, кикимор, водяных, утопцев и тому подобное. Короче говоря, плаванием здесь особо не увлекались. Наше умение плавать укрепило уверенность Дилана в нашем иностранном происхождении. В его представлении только в такой далекой и загадочной стране, как мифическая Русь, люди могли вот так свободно и безбоязненно плавать.

В общем, прокатило. Похоже, что он нам поверил и больше неудобных вопросов не задавал.

Глава 4

Об охоте на охотников

Охота прошла удачно. Дилан привел нас к небольшому лесному ручью. Судя по многочисленным следам, здесь олени выходили из леса на водопой. Вот тут мы засаду и устроили. И через пару часов подстрелили двух оленей. Удачно поохотились. Даже непривычный для меня средневековый лук отработал очень хорошо. Это, конечно, не современный композитный лук, но я и из него попал. В принципе, с подобным типом оружия я уже был знаком. Поэтому особых проблем со стрельбой не возникло. Разделкой оленей занялись Дилан и его сын. А мы стояли в сторонке и наблюдали. Нет, не потому что мы этого делать не умели или не хотели. Просто нам по статусу не положено так марать руки. Здесь же мы, типа, дворяне. А дворянам разделывать дичь невместно. Для этого простолюдины существуют. Мне даже пришлось Мишку одернуть, когда он было сунулся помогать нашим браконьерам свежевать оленей. Блин, чуть не засыпались. Мы, конечно, странные дворяне из далекой страны. Но слишком странными все же быть нельзя. Нельзя нам выделяться из средневекового общества. Здесь, между прочим, инквизиция вовсю уже работает. И искореняет всяческие странности среди местного населения, тупо сжигая, всех кто блеснет на фоне серости.

Наконец, с разделкой дичи закончили и по-быстрому сварганили костерок, на котором пожарили мясо. Вы не пробовали свежую оленину, приготовленную на костре? Вкуснятина!!! Рекомендую!!! Такое даже в самых элитных ресторанах хрен найдешь. В общем, поели мы как короли. У Дилана с собой были еще лепешки, козий сыр и баклажка с вином. Получился настоящий пир. А мне в этом средневековье уже начинает нравиться. После перекуса мы еще немного отдохнули.

И затем двинулись назад к деревне. Сейчас мы свою дворянскую сущность не стали выпячивать и несли куски мяса в заплечных мешках наравне с Диланом и Жеромом. Было довольно тяжело. Олени-то не маленькие нам попались. И еще хорошо, что головы с рогами, копыта, шкуры, кости и требуху мы бросили на месте охоты. Брали с собой только мясо.

– Там что-то случилось! – взволнованно произнес Дилан, указав в сторону деревни, когда мы приблизились. – Там что-то горит. Не к добру это.

– Точно горит! – согласился с ним Мишка, приглядывающийся к далекому столбу дыма.

– И это не лес, – согласно кивнул я. – Зеленый лес так не горит. Дыма мало. Источник огня одиночный. Там что-то сухое и большое жгут. Наверное, дом или амбар.

– Быстрее! Нам надо торопиться! – воскликнул Жером, повернувшийся к своему отцу.

– Тише, тише, сын, – шикнул на него Дилан, вопросительно покосившись на нас. – Мы пойдем быстрее, но осторожнее, чтобы узнать, что там случилось?

– Ты прав, – согласился с ним я. – Поторопимся, но будем настороже. Может быть, на вашу деревню кто-то напал?

Вот она средневековая субординация в действии. Дилан тактично указал своему сыну, что без нашего решения мы никуда не двинемся. Мы дворяне, а они простолюдины. И их действия зависят от наших приказов. Конечно, они не наши слуги. Но сейчас они как бы являются нашей неофициальной свитой. Нашими сопровождающими. И должны нас слушаться, чисто из вежливости. Хотя своим вопросом он нам тоже намекнул, что если мы будем сильно тупить, то наши пути могут и разойтись. Прямо здесь и сейчас. Они все же люди свободные. Не понравится им наше руководство, могут и уйти. Лес большой.

На подходе к деревне мы затаились и внимательно осмотрели, что там творится. Из леса не выходим. Странно! Людей, собак и коз не видно. И еще меня напрягли вороны, которые кружились в небе над деревней. Обычно эти крылатые падальщики собираются вот так, чтобы поесть мертвечины. Очень тревожный симптом. Очень! Это значит, что там в деревне сейчас где-то лежит труп. И не один, а несколько. Вон сколько ворон собралось сюда со всей округи. Еще немного понаблюдали. Ничего. Никакой движухи, кроме ворон. Осторожно выходим из леса и перебежками от укрытия к укрытию приближаемся к крайнему от леса дому. Вашу Машу!!! Возле дома в траве лежит тело молодой девушки. Я ее узнал. Видел среди деревенских. Вроде бы ее звали Вивьен.

Семнадцать лет, яркая и красивая блондинка. Мы с Мишкой на нее глаз положили. Вот только крепились и не подкатывали, чтобы не портить отношения с местными крестьянами. Вот же гадство! Какие твари убили такую красоту? Узнаю, ноги вырву. Судя по характеру ранений, ее сначала подстрелили из лука, а затем зарубили мечом. В общем, это точно сделали не звери, а люди.

Дальнейший осмотр деревни подтвердил мои опасения. На деревню, действительно, напали. Нападавшие перебили всех собак и коз. Нашли мы также и тела семерых селян, лежавших среди домов. Еще неизвестные агрессоры сожгли все ульи на пасеке. Тупо облили их маслом и сожгли. А вот дома оставили целыми. Почему? Не понимаю я такого выборочного вандализма. Еще налетчики сожгли большой деревенский амбар. Вот еще одна странность. Я точно знал, что сейчас этот амбар пустовал. Это осенью его должны были забить под завязку зерном и дарами леса. Кому понадобилось сжигать пустой амбар? Когда мы подошли поближе к месту пожарища, то узнали страшную разгадку. Все они были здесь. Все жители этой деревни, которых мы не нашли ранее. Точнее говоря, здесь были их обгоревшие кости. Мужские, женские и детские. Кто-то загнал всех выживших при первом нападении крестьян в этот амбар, закрыл дверь и поджег. Сука, сука, сука!!! Я такое уже раньше видел. В Судане. Там точно так же негритянские повстанцы зверствовали над своими соплеменниками. Так же вот сжигали людей в домах и сараях. Мы после такого зрелища их в плен не брали. И за это мне с Гризли влупили тогда взыскание от командования Иностранного легиона.

Хотя нет! Не всех селян мы обнаружили. Совершенно неожиданно мы нашли одного выжившего. И еще один труп. На противоположном краю деревни находилась деревенская кузница. И кузнец был здесь. Точнее говоря, тут возле порога лежало его тело. Большой, волосатый и кряжистый, он даже сейчас внушал уважение. Колоритный дядька. Мертвый кузнец сжимал в руках обломок охотничьего копья. Я слышал, как селяне его звали Пьером. Дядька Пьер. Так и говорили. Вроде бы он когда-то успел повоевать в ополчении местного барона. А затем остепенился и стал деревенским кузнецом. И судя по следам крови вокруг него, без боя он не сдался. Сумел подранить кого-то из нападавших. Вон сколько крови вытекло. И это явно не кровь кузнеца. Кто-то другой тут лежал рядом с ним. Рядом с телом дядьки Пьера стоял на коленях высокий и мускулистый парень, в котором я узнал племянника кузнеца Доминика. Этот крепкий парнишка был слегка уменьшенной копией своего дяди Пьера. И среди деревенской молодежи выделялся своей богатырской статью. Ну еще бы ему не выделяться. Он же был единственным подмастерьем деревенского кузнеца. А кузнецы и их помощники тощими хлюпиками не бывают. Ты попробуй так же,

как они, помахать огромным молотом, стуча им по разогретому металлу. Тут сила нужна. И у Доминика она была. И хотя ему, по нашим прикидкам, было лет семнадцать-восемнадцать, но его фигуре позавидовал бы любой атлет. Впрочем, все деревенские мужчины были довольно развиты в физическом плане. Физический труд и хорошее питание (а питались лесовики очень даже неплохо в сравнении с другими крестьянами) сделали свое дело. Слабаков в этой деревне не было.

– Ы-ы-ы-ы! – выл Доминик, раскачиваясь из стороны в сторону над телом своего дяди. – Как же так, дядя Пьер? Ы-ы-ы-ы!!!

Картина была фееричная. Здоровый парниша, а плачет, как дитя малое, с надрывом. Все понятно. Стресс у мальчика. Кто-то убил его родича. Понимаю его горе. Я на такое насмотрелся за годы службы. Зачерствел душой, но и меня эта сцена царапнула. Минут десять мы пытались успокоить Доминика. Наконец, он перестал причитать и начал рассказывать. Ему повезло. Дико повезло. Перед нападением на деревню Доминик пошел в лес, проверять силки и капканы. И подзадержался там часа на три-четыре. А когда вернулся, то увидел это. В деревне хозяйничали англичане. Воинов с красными крестами на одежде с английскими длинными луками трудно было с кем-то перепутать. Амбар с запертыми в нем жителями деревни уже вовсю пылал. И прятавшийся в лесу Доминик отчетливо слышал крики людей, сгоравших заживо. Когда англичане ушли, то парень еще какое-то время скрывался в лесу, не решаясь войти в деревню. А затем решился. И нашел труп своего дяди Пьера на пороге его кузницы. Родители Доминика умерли от лихорадки, когда он был еще совсем маленький. И дядька Пьер, оставшийся его единственным родственником, взял мелкого Доминика к себе. Он его вырастил, воспитал и научил кузнечному делу. Доминик любил дядьку Пьера как родного отца. И вот он его потерял вместе со всеми своими знакомыми.

– Теперь хотя бы ясно, кто виноват во всем этом! – задумчиво сказал Гризли, махнув рукой в круговом движении.

– Что будем делать, шевалье Андрэ и шевалье Мишель? – произнес Дилан, едва сдерживаясь. Яростью от него фонило не по-детски.

Кстати, у французов нет натершего оскомину слова «сэр». Это у англосаксов рыцарей зовут сэрами. А французы своих низших дворян обзывают «шевалье». И вот для Дилана мы были настоящими шевалье, то есть рыцари без феода.

Поначалу напрягало, а затем мы привыкли. Назвались дворянами, надо соответствовать и не морщиться, когда тебя обзывают шевалье. Между прочим, «шевалье» в переводе с французского означает «всадник».

– Будем карать уродов! – отчеканил я, чувствуя, как и меня накрывает волна праведного гнева. – Такое прощать нельзя. Пойдем по следу и убьем их всех.

– Поддерживаю! – рявкнул Мишка, сжимая кулаки. – За подобное надо наказывать! По понятиям!

Нет, меня нельзя назвать святым. Мне приходилось не раз и не два раза убивать. Скольких я «бармалеев» за свою жизнь обнулил? Не знаю. Сбился на третьем десятке. А больше и не считал убитых лично мною. Плохая примета, однако. Я хоть и не верующий человек, но в приметы верю. Но я убивал мужчин, которые взяли в руки оружие. Не буду скрывать, были в моей военной карьере и бои с вооруженными детьми-подростками. Особенно негры этим грешат. Любят разные партизаны и повстанцы в Африке детей на войну отправлять. Хотя и среди исламских экстремистов есть малолетние убийцы. Но тут меня совесть не грызла. У меня такая философия. Взял в руки оружие и стал стрелять в других, значит, ты взрослый. Значит, должен отвечать по всей строгости закона. Поэтому моя рука в таких случаях не дрожала. Или я, или они. Все по-честному. По-взрослому. Он стрелял в меня, а я в него. Но даже такого прожженного циника, как я, бесило, когда кто-то убивал беззащитных, мирных граждан. Тех, кто не мог сопротивляться, стариков, женщин, детей. А в углях прогоревшего амбара я отчетливо видел женские и детские кости. Англичане не пощадили никого. Кстати, на небольшом деревенском кладбище мы нашли две свежие могилы с примитивными деревянными крестами и корявыми надписями на английском языке. Двух своих бойцов английские налетчики здесь все же потеряли. Наверное, дядька Пьер постарался?

Правда, сразу по следу английских убийц мы не отправились. Возникла проблема. Оружия-то у нас с Гризли не было нормального. Только наши складники и охотничьи луки, одолженные у Дилана. Но этого маловато. Если верить сведениям, полученным от Доминика, то на эту деревню напал отряд из двух или трех десятков англичан. Точного количества этот подмастерье кузнеца сказать не мог. На пальцах показывал. Примерное количество. Со счетом у него были проблемы. Но то, что там были как минимум один рыцарь с оруженосцем, это он запомнил хорошо. И тут нас удивил Дилан, заявивший, что оружие у него есть. В его доме в южном углу под большим деревянным сундуком находился

схрон, из которого валлиец вытащил два неплохих кинжала, короткий меч типа «кацбальгер» (что переводится с немецкого как кошкодер) и одноручный боевой молот. Кроме оружия, там был и доспех. Простенькая пехотная бригантина. Если кто не знает, то бригантина – это кожаный доспех из двух слоев плотной ткани или кожи, между которыми наклепываются металлические пластины. Эта бригантина была явно не рыцарской. Слишком простая, из потертой кожи. Такие здесь только ополченцы носят или наемники. К сожалению, нам с Гризли она по размеру не подошла. Поэтому ее надел Дилан. Я на этом настоял. Из оружия я взял кинжал и кацбальгер, а Гризли прихватил второй кинжал и боевой молот. Сначала мы хотели и Дилану что-то оставить. Арсенал-то все же его. Но тот заупрямился и заявил, что они с сыном и так вооружены неплохо. Луки у них есть. И охотничьи ножи тоже. В общем, уговорил. Под конец наших сборов к нам подбежал запыхавшийся Доминик. В руках его грозно покачивался большой кузнечный молот.

– Господа рыцари, разрешите мне пойти с вами! – прокричал он, с надеждой глядя на нас.

– Ты уверен, парень? – развернулся к нему Мишка. – Мы ведь не на охоту идем. Тебе придется убивать людей. Живых! Ты сможешь это сделать? Рука не дрогнет?

– Не дрогнет, шевалье Мишель, – ответил Доминик, упрямо сдвинув брови. – Они убили дядьку Пьера и многих моих друзей. Я должен отомстить.

– Месть – это серьезный мотив, – сказал я, похлопав Доминика по плечу. – Помни о ней, когда будешь убивать этих англичан. И слушай наши приказы. Тогда отомстить и остаться в живых сможешь.

Больше нас ничто в этой деревне не задерживало, и наш маленький отряд двинулся в путь. Вел нас Дилан. Он хорошо знал здешнюю местность. Лесная дорога, по которой ушли англичане, не была прямой. И валлиец нас по ней не повел. Он предложил срезать путь через лес. Мы согласились. Ходить по лесу этот мужик умел. Мы в этом убедились. Этот здесь точно не заблудится. Вот пока английский отряд тащился по петляющей среди деревьев дороге, мы рванули напрямки, надеясь их перехватить по дороге. Но не успели. Слишком много времени прошло. Эти гады уже успели уйти далеко и добрались до следующей деревни, стоящей на этом лесном тракте. Когда мы их нагнали, то они уже вовсю веселились. Согнали всех деревенских жителей и заперли в двух

амбарах (блин, у этих английских уродов какая-то нездоровая тяга к амбарам). Перебили собак и всю скотину. Солнце уже садилось за горизонт. Поэтому англичане решили заночевать в этой деревне. Заняли они два дома. Их, кстати, было не так уж и много. Всего восемнадцать человек. И они заняли самые большие дома. В наступающих сумерках слышались пьяные крики. Видимо, англичане нашли вино и сейчас его усиленно дегустировали. Кроме воплей рейдеров, мы услышали и крики женщин. Привычная картина. Банда вояк бухала и насиловала деревенских баб. Думаете, мы тут же ринулись в атаку в стиле книжных попаданцев? Правильно думаете. Мы с Гризли не одну войну прошли. Мы, конечно, были очень злые и жаждали поубивать этих уродов английских. Но мы профессионалы. Поэтому действовать будем правильно. Мы подождем, когда англичане напьются, насношаются и заснут. А уже затем пойдем с ними разбираться. Может, это и не по-рыцарски? Но и мы с Гризли ведь не настоящие рыцари. А Дилан если и удивился нашей тактике, то вида не подал и молча согласился.

Дилан

Я хорошо помню нашу первую встречу с этими людьми. Они мне показались очень странными. Чужими. Не похожи они были ни на французов, ни на англичан, ни на валлийцев, ни на шотландцев, ни на германцев, ни на итальянцев. Я многих иностранцев повидал за свою жизнь. А эти ни на кого не были похожи. В них все было таким чужеродным. Одежда, обувь, язык. А самое главное – манера поведения. То, как они разговаривали. Как общались с нами и друг с другом. Почему я подумал, что они дворяне? Так это же ясно не только мне. Так могут себя вести только благородные. Да и одежда у них слишком богатая для простолюдинов. А у шевалье Мишеля я видел золотой крест на золотой же цепочке. Тонкая работа. Такие кресты могут носить только очень важные дворяне. А у шевалье Андрэ золотое кольцо на пальце. В общем, не простые это люди. Чувствуется в них порода и умение повелевать. Они как матерые волки. Двигаются по-особому и давят на окружающих своей волей. Опасные бойцы. С такими не хочется ссориться. Им хочется подчиняться. Думаю, что у себя на Родине они были не простыми рыцарями. Интересно, что заставило их покинуть ее? Скорее всего, что-то не поделили со своим королем. Может быть, мятеж подняли. Благородные любят мятежами баловаться. В то, что эти люди прибыли из загадочной и далекой Руоси, я поверил сразу. Я о такой стране и не слышал. Я раньше думал, что за германскими землями на востоке живут только дикие звери, мифические чудовища и язычники. А оказывается, что нет.

Есть там и христианские страны, которые ведут непрекращающуюся войну с сарацинами и язычниками. Мне об этом шевалье Андрэ рассказал. И еще мне понравилось, как они со мною говорили. Нормально и ровно. Без дворянского высокомерия и спеси. А то мне в жизни часто встречались такие благородные, что смотрели на простолюдинов как на навоз и общались через губу, всячески подчеркивая свое высокое положение. А эти ничего так. Нормальные шевалье. Был бы я помоложе, то попросился бы к ним на службу.

Когда мы настигли англичан, то они уже вовсю грабили другую деревню. Наших ближайших соседей. Я из этой деревни многих знал. Неужели и их всех убили? Тогда счет к англичанам у меня вырастет. Наши шевалье сразу в бой кидаться не стали. Сразу видно, что вояки они опытные. Не то что некоторые французские благородные. Видал я, как многие графы и герцоги командуют. Тут никаких бранных слов не хватит, чтобы описать. Помню вот, в битве при Азенкуре молодой и отважный герцог Карл Орлеанский рвался в бой, не слушая возражений опытных командиров французских отрядов. Все знали, что герцог Карл является талантливым поэтом и неплохим турнирным бойцом. Но турнир – это не настоящая война. И это даже я, простой валлийский стрелок, понимал. А молодой герцог не видел разницы. Боевого опыта у него не было. Вот и рвался глупый юнец в бой. И многие дворяне его поддержали тогда. И пошли за ним как на бойню. И все там полегли на том грязном поле под Азенкуром. Хорошо, что тогда все благородные на своих конях ринулись вперед. А нас пехотинцев в тылу оставили. Хотели победить без нашей помощи. Захапать себе всю славу и трофеи. И жестоко поплатились за это. А я тогда выжил и смог удрать с поля боя невредимым, благодаря глупости наших французских командиров. Англичане же в той битве и построились правильно, и воевали очень грамотно. Их-то командиры, в отличие от французов, хорошо командовали своими войсками. Вовремя подтягивали подкрепления на угрожающие участки боя. А французы тупо ломились в центр и гибли, гибли, гибли. По сути, ими там никто и не командовал. Командиры французских отрядов дрались в первых рядах, как простые рыцари. Глупо. Очень глупо. Но французы так воюют. Я-то на это насмотрелся в свое время. Вот валлийцы во время восстания против англичан умело воевали. Часто нападали из засад или уклонялись от боя. Эх, нам бы тогда в Уэльсе столько войск, сколько есть у глупых французов. Мы бы победили английских захватчиков. Но у нас столько сил не было. И мы проиграли Уэльс. Эх, до сих пор вспоминать тошно.

Я-то уже думал, что меня ничем не удивишь. Но шевалье Андрэ и шевалье Мишель меня смогли поразить. В бой они сразу не ринулись, а решили подождать, когда англичане перепьются вина и уснут. Вот это правильно! Это я

одобряю. Зачем зря рисковать? Врагов-то гораздо больше, чем нас. А когда стемнело, они пошли в деревню. Вдвоем.

Я-то сначала думал, что мы постреляем из луков по англичанам и скроемся в лесу. Но нет. У этих шевалье был совсем другой план. Когда они его озвучили, то я засомневался. Они хотели перебить всех англичан. Весь отряд из восемнадцати человек. И это не какие-то там ополченцы, которые и копье-то держать правильно не умеют. Это настоящие английские лучники, прошедшие множество битв. Я видел, на что они способны. И не надо еще забывать о рыцаре и оруженосце, командовавших этим отрядом налетчиков. Все англичане хорошо вооружены и одеты в доспехи. Но этих чужеземцев это не смущало. Они хотели врываться в дома, занятые англичанами, и убивать там всех, кого встретят. Я было предложил свою помощь, но шевалье Мишель приказал мне, Жерому и Доминику им не мешать. В дома не лезть, а смотреть по сторонам и стеречь, чтобы никто из врагов из штурмуемого строения не выбрался. Он еще все это назвал неизвестным словом «зачистка». А затем началось. Эти двое тихо и быстро добрались до центра деревни. Мы крались за ними немного позади. Кругом было уже темно.

И только в центре деревни горел костер возле дома старосты. Еще был свет в домах, где засели англичане. Там уже было тихо. Англичане в домах наконец-то угомонились и завалились спать. А вот у костра еще бодрствовали двое из них. Они сидели у огня, пили вино и громко разговаривали. Третий лежал на земле и громко храпел. Хм! А эти англичане опытные вояки. Вон, даже часовых выставили. Не все уснули в домах. Помнят, твари, что они находятся во враждебной стране. Но им это не помогло. Я краем глаза посматривал на англичан у костра, стараясь не смотреть на пламя. Это чтобы не слепить глаза. Лук в руках, стрела на тетиве, руки готовы к стрельбе. Вот я моргнул, и тут к англичанам, смеющимся у костра, метнулись две тени. Миг – и два вражеских воина упали сломанными куклами. Через мгновение замолк и храп третьего англичанина. Вот так. Пара мгновений – и трое врагов мертвы.

Я даже ударов не заметил. А шевалье Андрэ и шевалье Мишель лишь мелькнули в пламени костра и тут же рванули к дверям одного из домов, занятых англичанами. Вот они проникли внутрь, и мы застыли, прислушиваясь. Тишина. Ни вскрика, ни хрипа, ни звона клинков. Ничего. Прошла всего минута, а наши шевалье уже вынырнули обратно. Мы подошли поближе, и я заметил, что их клинки обагрены кровью. Кого-то они там только что резали. Неужели смогли убить всех англичан, что там были? Так быстро и тихо? Но это же невозможно!

Это выше человеческих сил! Но я это видел! А затем они вошли во второй дом. Это был дом старосты. Самый большой в деревне. И англичан там должно было быть больше. Поэтому я решил послать Доминика, чтобы он там присмотрел с тыльной стороны. Там три окна, которые мы не видим с улицы. Вот пускай там постоит со своим кузнечным молотом. Пускай покричит нам, если кто-то станет вылезать через окно. Мне так спокойней. И он при деле. В этот раз прошло минуты три или четыре, а затем тишину разорвал дикий крик. Почти звериный, наполненный такой яростью, что у меня по спине мурашки забегали. Кричали оттуда, где сейчас находился Доминик.

Бегу к углу дома старосты. Осторожно выглядываю и замираю от открывшейся картины. Обычно добродушный и тихий Доминик, громко рыча от ярости, лупит своим огромным молотом по чему-то высунувшемуся из окна дома. Присматриваюсь и понимаю, что парень весь залит кровью с ног до головы. А то, что он бьет с таким остервенением, является телом английского лучника. И это тело не в самом лучшем виде. Голова расплющена в блин, как и верхняя часть торса. Враг, видимо, начал вылезать из окна и застрял там. И тут его приметил наш Доминик. У парня недавно единственного родича убили. Вот его и переклинило. Кое-как смог успокоить его и оттащить от останков англичанина. На подмастерье кузнеца было страшно смотреть. Весь в крови, как вурдалак, но то не его кровь. И глаза. Глаза у него были дикие и очень злые. Доминика так трясло, что огромный молот в его руках ходил ходуном. И тут из темноты вынырнул шевалье Андрэ. Покосился на Доминика, перевел взгляд на то, что осталось от англичанина, хмыкнул и тряхнул головой.

– Понравилась тебе твоя месть, Доминик? – спросил он у парня.

– Да, господин, мне понравилось! – медленно произнес Доминик, очнувшись от оцепенения и неловко поклонившись.

– Наш человек! – с одобрением в голосе сказал шевалье Андрэ. – Мы из тебя настоящего бойца сделаем. Научим правильно убивать англичан. Если ты захочешь, конечно.

– Я захочу! Я очень хочу научиться быть воином! – встрепенулся Доминик, опуская свой молот на землю.

– Ты готов служить нам? – задал вопрос шевалье Андрэ.

– Готов, господин! – ответил Доминик, опускаясь на колени. – Я хочу быть вашим слугой.

– Я принимаю тебя, Доминик, к себе на службу! – торжественно произнес шевалье Андрэ, положив руку на голову доминику. – А теперь встань и займись делом. Помойся и одежду свою от крови отстирай. А то как вампир выглядишь.

– Господин Андрэ! – решаюсь я вмешаться. – А что там с англичанами?

– С англичанами все нормально, – с усмешкой ответил шевалье Андрэ. – Мы их всех убили, кроме одного оруженосца. Его мой товарищ оглушил и связал на всякий случай. Потом допросим.

Поначалу я не поверил. Но усомниться простолюдину в слове благородного прилюдно нельзя. Да лучше сразу же зарезаться. Я видел, как убивали и за меньшее неуважение к дворянину. Поэтому я сходил и сам все проверил. Сам все осмотрел. Все было так, как и сказал господин Андрэ. Все англичане были здесь. Семнадцать трупов и один оруженосец, валяющийся в беспамятстве. Практически все враги были убиты одним ударом. На десяти из них были доспехи, но это им не помогло. Таких наши шевалье убивали ударами в горло. А троим сломали шеи. В том числе и английскому рыцарю, командовавшему отрядом. Правда, сам этот рыцарь был без доспеха. Я его нашел в кровати старосты. Видимо, решил расслабиться благородный сэр. Уснул с комфортом и не проснулся. Бывает. Если бы кто-то мне такое рассказал, то я бы ему не поверил. Два человека без доспехов и хорошего оружия убили шестнадцать вооруженных и одоспешенных врагов. И захватили в плен еще одного. Конечно, те были пьяными и сонными. Но и наши шевалье тоже были вооружены несерьезно для боя с таким количеством противников. Да и я много раз видел, как пьяные воины могли драться в бою. Так что нельзя сказать, что шевалье Андрэ и его товарищ убивали беззащитных англичан. Всякое там могло случиться, в этих домах со скудным освещением. Поэтому, кто бы что там ни говорил, а в моих глазах наши шевалье совершили самый настоящий подвиг. О таких вот подвигах любят петь менестрели в тавернах для наемников. Для благородных такую балладу лучше не петь. Французские дворяне так не воюют.

Не нападают ночью на спящего противника. А вот валлийские вполне могут так поступать. В Уэльсе балладу о сегодняшней ночи можно петь без всякой опаски. Там бы шевалье Андрэ и шевалье Мишель стали героями. Когда я вышел из дома старосты, то принял решение, изменившее всю мою дальнейшую жизнь. И не

только мою. Я принял решение и за своего сына Жерома. Тут же при свете горящего костра мы попросились на службу к шевалье Андрэ и шевалье Мишелю. Так мы стали их слугами. Теперь мы их люди. У нас появились господа.

Глава 5

О допросах, трофеях и пополнении рядов

Его звали Роджер Грин, и был он эсквайром или оруженосцем у сэра Персиваля Финча, английского рыцаря на службе короля Англии Генриха Пятого. Этот эсквайр был совсем не похож на подростка. Матерый парниша. Лет двадцати – двадцати двух. Здоровый и мускулистый. Да, это не рыцарь. Но тем не менее, это не самый плохой воин, который обычно сражался в бою вместе со своим господином, поддерживая его. Вообще-то, оруженосец – это слуга рыцаря. Привилегированный слуга. Во Франции в оруженосцы старались брать в основном выходцев из благородного сословия. Принимать в оруженосцы простолюдинов тут считалось неприличным, но иногда и это случалось. Уж слишком много французских дворян полегло в ходе Столетней войны. А многие древнейшие роды пресеклись. Но тем не менее французы все же старались придерживаться традиций. А вот англичане относились к этому проще. Они охотно брали простых бойцов в оруженосцы, а затем и посвящали их в рыцари. Сэр Персиваль Финч как раз и был из таких худородных рыцарей, получивших рыцарские шпоры из рук английского короля за проявленную храбрость в битве при Азенкуре. И Роджер Грин также являлся выходцем из семьи простолюдинов.

Сейчас Роджер Грин стал нашим пленником. Во время нашей экстремальной ночной атаки он встретился с Гризли. После чего потерял сознание и отрубился. Очнулся он уже с головной болью и надежно связанный. Перед его очумелым взглядом предстал выложенный на земле ряд из семнадцати трупов, в которых он узнал людей из своего отряда. И сэр Персиваль там тоже был. Лежал раздетый догола с неестественно свернутой шеей. Поэтому на наши вопросы этот кадр стал отвечать довольно охотно. Тем более что рядом мы поставили небольшую жаровню с раскаленными углями, на которых грел свое лезвие один из трофейных кинжалов. Да и Мишка, стоявший неподалеку, корчил злобные рожи и рассуждал о пытках раскаленным железом. Нет, сначала-то этот Роджер пытался гнуть пальцы, возмущаясь нашими методами обращения с пленными.

Типа, благородные люди так не поступают. Но я его быстро заткнул, усомнившись в его благородном происхождении. Припомнил ему все, что натворили англичане в деревне Дилана. Не могли благородные люди сотворить такое злодейство. Ладно еще мужиков бы побили, а баб изнасиловали. Но зачем они убили детей? Это же не воины. После этого английский эсквайр стыдливо понурился и заявил, что он лишь слуга и выполнял приказы своего рыцаря. Вот же выхухоль гребучая!!! Оказывается, эту гнилую отмазку всякие подонки и мрази, убивающие безоружных и беззащитных людей, придумали не в просвещенном двадцатом веке.

– Раз ты слуга и всего лишь выполнял преступные приказы, – сказал я, глядя ему в глаза, – то и обращаться мы с тобой будем как со слугой и простолюдином. Будь ты настоящим дворянином, то не стал бы пятнать свою честь такими низкими поступками. И твой господин, сдохший как собака, был еще тем подонком и моральным уродом. Он опозорил своим поступком всех английских дворян. Я иностранец. И в нашей стране за такие вот шалости на кол сажают. В общем, рассказывай все, что знаешь. И тогда я подарю тебе быструю и легкую смерть. Ты мне в любом случае все расскажешь.

Выбирай сам, как это будет. Быстро и безболезненно или очень больно и долго.

Думал он не долго. И вскоре начал рассказывать. Добровольно. Мы его даже пальцем не тронули. Кстати, общались мы с ним на французском языке. Английский язык Роджера Грина мне был решительно непонятен. Хотя этот язык я тоже знал очень даже неплохо. Но этого англичанина я не понимал. Видимо, современный английский тут еще не сформировался. А вот французский язык английский оруженосец знал очень неплохо. Оказывается, у англичан вся знать свободно говорила по-французски. У них даже короли имели французские корни. Те же Плантагенеты, правившие сейчас в Англии, были выходцами из Анжуйской династии французских герцогов. Не зря же английские короли претендовали на трон Франции. Они, между прочим, были кровными родичами с французскими монархами. Вот такие пироги с котятами.

Значит, есть тут такой термин, как «шевоше». Что переводилось как «конный набег». Так англичане называют рейды на французскую территорию. Типичный грабительский рейд. При этом местное население подвергалось насилию и истреблению. Уничтожались продовольствие, дома, урожай и личное имущество. Такие методы ведения боевых действий были известны очень давно. Наверное, еще во времена неолита первобытные люди ходили в такие походы на своих

врагов. В общем, тут англичане не оригинальны. Особенно сильно при шевоше страдала сельская местность. Разорительные набеги, которые при этом тщательно планировались, преследовали три цели: устрашение врага, уничтожение ресурсов и производительных сил, грабеж (являвшийся часто формой оплаты английским солдатам). Вот в современном мире почему-то много говорят о такой тактике разных варваров вроде гуннов, вандалов, викингов, турок или татаро-монголов. А про цивилизованных европейцев тактично забывают. Но ведь те творили то же самое со своими соседями? Вон те же англичане тут в пятнадцатом веке ничем не отличаются от монголов по своим повадкам. Такие же уроды кровавые. Обычно шевоше осуществлялось небольшими, мобильными отрядами от нескольких десятков до тысячи бойцов. В состав карательного корпуса входили лучники, рыцари и латники. Часто все воины сажались на лошадей для большей мобильности и внезапности.

Вот и отряд сэра Персиваля Финча был лишь частью английской рейдовой группы, отправившейся в очередное шевоше. Новость эта нас не порадовала. Мы-то надеялись, что это отдельная мелкая банда английских вояк, которая заявилась в эти края на свой страх и риск. И если они тут все полягут, то никто за ними не придет. Но нас ждал полный облом. Придут. Еще как придут, чтобы выяснить, что же случилось с этим отрядом налетчиков. Вообще, в это шевоше отправились две сотни англичан. Из них три десятка рыцарей, оруженосцев и латников. А все остальные были лучниками. Причем часть лучников передвигались на лошадях. Кстати, если кто не понял, то латники тоже являются кавалеристами. Англичане их называют «мэн ат арм», то есть «люди в броне», а французы «жандармами». И многие из латников могут дать фору тем же рыцарям. Основная колонна англичан под командованием барона Томаса Харпера двигалась по главному тракту из Лаваля в Ле-Ман. А от нее во все стороны по округе разбегались мелкие отряды вроде того, что мы недавно уничтожили. Они быстро грабили встреченные французские поселения и возвращались обратно к основным силам. Так рейдеры могли захватить большую территорию. Впрочем, эти мелкие отряды английских мародеров могли и немного задерживаться для грабежа наиболее жирных целей.

У сэра Персиваля была договоренность, что через двое суток его отряд должен догнать колонну барона Харпера. Головорезы сэра Персиваля уже возвращались, когда наткнулись на лесную дорогу, которая привела их к деревне Дилана. Не повезло сельчанам. Там произошел неприятный инцидент. Когда англичане начали грабить деревню, то наткнулись на пасеку. И захотели забрать оттуда весь мед. Мед по средневековым меркам очень дорогой товар. Но правильно обращаться с пчелами англичане не умели. За что и огребли по полной

программе. Шестерых английских лучников, сунувшихся к ульям, разозленные пчелы здорово искусали. Один из них при этом даже умер. Видимо, от аллергии сдох бедолага. Земля ему стекловатой. Но самое печальное – пчелы успели несколько раз укусить и сэра Персиваля, что его чрезвычайно взбесило. После чего английский рыцарь приказал загнать всех крестьян в амбар и там сжечь. А тех, кто при этом будет сопротивляться, убить. Вот тогда английский отряд понес еще одну потерю. Деревенский кузнец умудрился заколоть еще одного стрелка. Кузнеца-то, конечно, убили. Но английского лучника уже было не вернуть. Могилы этих двоих мы тогда и видели в разоренной деревне. Англичане их быстренько похоронили. Затем подожгли амбар с людьми. Кроме того, они сожгли и все ульи. Облили их маслом и подожгли.

А затем двинулись дальше по лесной дороге. Сэра Персиваля раздражало это место, и ночевать тут он не хотел. Он торопился дальше. Поэтому другие дома в разоренной деревне даже жечь не стали. Затем англичане добрались до следующей деревни лесовиков. И начали ее грабить. Здесь они успели убить только нескольких человек. Для устрашения всех остальных односельчан. Затем быстро загнали всех жителей этой деревни уже в два амбара (здесь-то народу больше жило, чем у Дилана). Но поджигать пока не стали. Это планировалось сделать утром при уходе англичан из деревни. Ночевать решили в этом французском поселении. Ночь быстро приближалась. И двигаться по лесу в темноте никто из рейдеров не хотел. Опасно это. Средневековые люди ночь не любят. Боятся они ее. При грабеже крестьянских домов были обнаружены солидные запасы вина. Это была заначка деревенского старосты. Четыре десятилитровых бочонка вина. Эта находка очень обрадовала английских рейдеров. Хватило всем. Кроме этого, сэр Персиваль распорядился вытащить из амбаров нескольких деревенских женщин. Брали тех, что помоложе и покрасивее. Понятно, для чего. Бандиты во все времена одинаковы. Выпивка и бабы. Вот ради таких моментов эти дегенераты и живут. Сначала побухать, а затем изнасиловать парочку деревенских красоток. И жизнь удалась. Впрочем, здесь в пятнадцатом веке в просвещенной Европе все этим грешили. Тут солдат трудно было отличить от бандитов. Здесь все любили грабить, убивать, бухать и насиловать. Так что для большинства аборигенов такое поведение было нормой жизни. Здесь даже к изнасилованию сами женщины относились философски. Уж очень часто такое вот дерьмо случалось. В общем, бравые английские вояки приняли на грудь, а затем перешли к разврату. Своему рыцарю тоже подогнали вина и женщин. Причем ему достались самые молодые и красивые. С наступлением ночи захватчики утомились терзать свои жертвы и снова загнали плачущих женщин в амбары к остальным односельчанам. А потом выставили пост и завалились спать. Но хорошо поспать уже мы им не дали.

– А остальное вы сами знаете! – закончил свой рассказ Роджер Грин.

– Знаем, знаем, – подбодрил его Мишка. – Ты не отвлекайся. Рассказывай, где и когда ваш отряд должен был встретиться с силами вашего барона?

– Барон Харпер не наш барон… – начал возражать английский оруженосец.

– Ты меня понял?! – нахмурился Гризли, сжав свои здоровенные кулаки. – Ты рассказывай, рассказывай.

И он нам рассказал. Всё рассказал. Где и когда будет проходить главный рейдовый отряд англичан. Дилан тоже присутствовал при допросе и подтвердил, что неплохо знает это место. Наконец, наш пленник обреченно замолк. Сказать ему больше было нечего. В принципе, он свою часть сделки выполнил. Рассказал обо всем, что нас интересовало.

И теперь ждал, когда мы выполним свою часть сделки. Я обещал, что пытать мы его не будем. Он умрет быстро и безболезненно. Поначалу я сам хотел его прирезать. Но потом мой взгляд наткнулся на мнущегося вдалеке Жерома.

– Подойди сюда, Жером! – крикнул я, подзывая парнишку.

– Вы звали меня, господин? – воскликнул подбежавший парень, слегка поклонившись.

– Да, Жером, я тебя звал, – говорю я, протягивая сыну Дилана свой кинжал из дамасской стали (достался мне от покойного сэра Персиваля вместе со всем его барахлом). – Возьми этот клинок и убей вон того человека.

– Да, господин Андрэ!

– Бей прямо в сердце вот сюда.

Говорю, а сам смотрю на реакцию парня. В его глазах ни тени сомнений. Уверенно взял кинжал и шагнул к замершему оруженосцу.

– Господин! – умоляюще встрепенулся англичанин, глядя на подходящего Жерома. – Дай мне время на молитву.

– Зачем тебе молиться? – спрашиваю я, взмахом руки останавливая юного палача. – Бог тебя не услышит. Ты гарантированно попадешь в ад! За то, что сотворил ты и твои соратники, вам прямая дорога в ад! Твои подельники во главе с твоим рыцарем уже летят туда. И скоро ты их догонишь.

Потом я киваю Жерому. Парнишка шагает вперед, нагибается и резко бьет Роджера Грина прямо в сердце. Как ни странно, но он попал с первого раза. Точно в сердце. Доспехов на английском оруженосце не было. Поэтому кинжал из дамасской стали, не встретив сопротивления, легко пробил левую грудь, прорезал ребро и вонзился в сердце. Англичанин умер мгновенно. Как я ему и обещал. Жером резко вытащил кинжал из раны и отступил назад. Как робот. Молодец. Настоящий убийца из него вырастет. Нам такие люди нужны.

Кто-то скажет, что это жестоко? Заставлять молодого парня делать подобные вещи. А мне плевать на ваше мнение. Вы-то сейчас не здесь, в махровом средневековье. Вы там, в уютной квартирке или офисе в цивилизованном двадцать первом веке. Вам такого не понять. Меня поймут лишь единицы. Те, кому приходилось в рукопашной драке защищать свою жизнь. Не где-то на спортивном ринге, а на войне или в подворотне. Там где вопрос стоял: «Он или я!» Так вот! Мне здесь в моем отряде не нужны юнцы с тонкой душевной организацией пацифиста. Мне нужны убийцы. У которых рука не дрогнет в самый неподходящий момент. Те, кто выполнит любой мой приказ. Любой! В Дилане я уверен. Он еще тот волчара, искупавшийся в крови, как и мы с Гризли. Доминика я видел в деле. Техничности ему не хватает, но он уже не девственник. Одного человечка он точно прикончил своими руками. Я сам это видел. А вот Жером был для меня темной лошадкой. И я решил проверить, на что способен этот парень. Вот и проверил. Зачет сдан на «отлично». А такой опыт бойцам нужен. Реальное убийство живого противника никакими тренировками не заменишь. И пускай это произойдет вот так в спокойной обстановке, а не в кровавой круговерти боя. Да, вот такой я жестокий и расчетливый тип гражданской наружности. И мне параллельно на все ваши возмущения, замечания и вопли о милосердии.

Трофеи нам после этой авантюры достались очень неплохие. Кстати, их собирали наши новые слуги. Нам по статусу невместно вытаскивать трупы из домов. Раздевать их и собирать все вещи английских рейдеров. Кроме носимого

имущества у англичан имелись еще и лошади с телегами и повозками. Двадцать шесть лошадей. Целый табун, однако. Две повозки с матерчатым тентом и три телеги. Этот отряд рейдеров был очень мобильным и мог передвигаться довольно быстро. Из воинского снаряжения нам досталось все оружие и доспехи англичан. И это была самая главная ценность. Мне тут Дилан примерно рассказал про местные цены. Стоимость оружия и доспехов впечатляет. Очень они дорогие, оказывается. Правда, хороших доспехов было не так много.

Самым крутым был доспех английского рыцаря. Какая-то вариация миланской брони. В отличие от классического «милано», тут не было массивных и неуклюжих наплечников. У этого англичанина наплечники были более мелкие и подвижные. Юбка доспеха тоже не была слишком длинной, с небольшими подвесными щитками. Двухсоставная кираса из нагрудника и напузника, тоже была более подвижной и позволяла мне легко нагибаться. Латная защита ног имела облегченную конфигурацию и закрывала ноги не полностью. А металлических сапог типа «сабатоны» и вовсе не было. Сначала я удивился, а затем припомнил рассказы Дилана. Он же нам говорил, что англичане любят спешиваться для боя. А в тяжелых и неуклюжих рыцарских доспехах полной конфигурации, которые так любят французы, в пешем порядке воевать не очень удобно. В принципе, логично. Доспехи сэра Персиваля можно назвать пехотными. Они очень неплохо подходят для пешего боя. Они более маневренные и подвижные, чем чисто кавалерийские. К счастью для меня, эти доспехи мне подошли идеально. Ничего не пришлось подгонять. Мы с покойным сэром Персивалем были одной комплекции. В общем, повезло. Это ведь не свитер или безразмерная водолазка. Рыцарские латы вещь индивидуальная. Их делают и подгоняют под фигуру владельца. И если у вас рост или ширина плеч не совпадут, то хрен ты такую броньку натянешь на себя. Это не компьютерная игра. Где худенькая эльфийка без труда напяливает на себя доспех только что убитого ею двухметрового громилы. И еще мой новый доспех был вороненым. Да, он был черным как ночь.

Звездная ночь. Во многих местах воронение все же протерлось. Было видно, что прежний хозяин этой брони побывал во многих переделках. Были тут зарубки и вмятины. Но лишних дырок не наблюдалось. Судя по всему, по этому доспеху несколько раз хорошо прилетало, но броню не пробило. Хорошая бронька, однако. Мне нравится. Еще к ней прилагался очень удобный шлем типа «салад», похожий на каску немецких солдат, с длинным назатыльником и подвижным забралом. Очень удобная штука. Это вам не гранд-бацинет или армет. Эти шлемы дают неплохую защиту головы, но они неудобны. В них очень душно, плохой обзор и трудно крутить головой. В бою приходится разворачиваться всем

торсом, чтобы что-то увидеть. В общем, очень неудобно. А вот у салада все не так печально. Обзор там неплохой и головой можно легко крутить в разные стороны. Кстати, этот салад тоже был черным, в тон броне. Дилан почему-то обозвал такой доспех «германским». И объяснил, что их так называют из-за шлема. Вроде как эти самые салады придумали в Германии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kolmakov_vladislav/partizany-stoletney-voyny

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить